

Идеальная
ОШИБКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КЕЙТ ВЭЙЛ

Кейт Вэйл

Идеальная ошибка

«Автор»

2025

Вэйл К.

Идеальная ошибка / К. Вэйл — «Автор», 2025

Саманта Судьба, похоже, наслаждается моими страданиями. Я думала, что уже привыкла к ее ударам, но этот... Он самый подлый. Чтобы спасти семейное дело, я должна обратиться к человеку, которого ненавижу всей душой. Стать фальшивой девушкой того, у кого вместо сердца — глыба льда. Правила просты: никаких чувств, только игра на публику. Но что, если под этой хрупкой иллюзией проснется нечто настоящее? Что, если мы совершим огромную ошибку, позволив себе отклониться от правил? Майк С самого рождения моя жизнь сопровождалась чередой ошибок. Ради заветного партнерства в фирме мне необходимо доказать, что я способен думать не только о работе. Я заключил сделку с Самантой и убедил ее сыграть роль моей девушки, еще не зная, к чему это приведет. Теперь мое будущее в ее руках, и она способна одним словом уничтожить все, что я строил долгие годы. Но только рядом с ней мир обретает краски. Саманта Хейз — мое проклятье или благословение?

© Вэйл К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Плейлист	5
Пролог	6
Глава 2. Сэм	13
Глава 3. Сэм	18
Глава 4. Майк	24
Глава 5. Сэм	31
Глава 6. Майк	37
Глава 7. Сэм	42
Глава 8. Майк	50
Глава 9. Сэм	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Идеальная ошибка

Плейлист

Paris Hilton – «Nothing in This World»
KT Tunstall – «Suddenly I See»
Shania Twain – «Man! I Feel Like A Woman»
Birdy – «Skinny Love»
Sixpence None The Richer – «There She goes»
Robbie Williams and Kylie Minogue – «Kids»
Say lou Lou – «Beloved»
Welshly Arms – «Locked»
Ingrid Michaelson – «Light Me Up»
SEAWAVES – «Sweet Disposition»
U2 – «With Or Without You»
Onerepublic – «All We Are»
Dipiphany – «Catch You»
Judah and The Lion – «Best is Yet to Come»

Пролог

Дверь в комнату приоткрывается, и в тусклом свете ночника я вижу маму. На ее губах появляется улыбка, когда она замечает, что я не сплю.

– Я ждала тебя, – высовываю голову из-под одеяла и двигаюсь в сторону, чтобы мама могла прилечь рядом.

Тихо засмеявшись, она так и делает. Закрывает мое лицо в ладони и ласково проводит пальцами по щекам. Ее руки, как обычно, теплые и нежные, а еще от них исходит запах краски, который сопровождает ее повсюду. Нос начинает щекотать, и я чихаю, заставляя маму рассмеяться чуть громче. Она накрывает меня одеялом и, притянув к себе, крепко обнимает. Опустив взгляд, замечая, что мое темно-зеленое одеяльце местами покрылось синими пятнами из-за рабочего комбинезона мамы. Она так спешила из студии домой, чтобы успеть пожелать мне спокойной ночи, что не переоделась. Глаза начинают слипаться, и я поудобнее устраиваюсь в ее объятиях, чувствуя, как прямо под ухом бьется ее сердце.

Тук. Тук. Тук.

Я скучала по этому звуку.

– Бабушка сказала, что сегодня Моника опять задирала тебя, – тихо произносит мама, поглаживая мои волосы.

Ох, не думала, что бабушка так быстро сдаст меня. У нас ведь был уговор.

Противная Моника Пристли возомнила себя королевой садика. Она ставит мне подножки и сталкивает мой ланч-бокс на пол, а еще соврала всем, будто я была у нее в гостях и описалась! Мне шесть лет, и я вполне могу себя в этом контролировать. А еще она любит говорить, что из-за веснушек и рыжих непослушных волос я похожа на гнома. Я видела гномов, и они очень даже красивые, но разве объяснишь всем вокруг?

Так что, когда сегодня она забрала из моего обеда пакет апельсинового сока и любимый шоколадный батончик, я, не задумываясь, пнула ее по колену и выдавила ягодное желе прямо на белую футболку, которой она хвасталась весь день. Миссис Эванс, наша воспитательница, сказала, что мое поведение – плод жуткого воспитания, и мне захотелось выдавить ягодное желе на ее юбку.

Поднимаю голову и смотрю на маму.

– Да, но я дала ей сдачи. Как ты учила. – Опускаю взгляд, боясь, что расстроила маму. – Ты злишься на меня?

Она ласково ловит мой подбородок ладонью и, коснувшись кончиком пальца моего носа, целует в лоб.

– Я бы никогда не стала на тебя злиться. Мы же команда, помнишь?

Улыбаюсь ей в ответ и уверенно киваю.

Мама легонько проводит ладонью по моей щеке и заправляет непослушную, кудрявую прядку волос за ухо.

– Моя милая Сэми, никогда не соглашайся на меньшее. Если ты понимаешь, что впереди ждет что-то большое и важное, и, несмотря на трудности, ты можешь взять это – действуй! Давай сдачи, но отвоевывай свое.

– Миссис Эванс сказала, что я веду себя крайне невоспитанно, и она хочет поговорить с тобой.

– Тогда у нас с миссис Эванс состоится очень серьезный разговор, и она поймет, что нельзя вот так просто сажать на стул непослушания.

Я улыбаюсь и, перевернувшись на живот, подпираю ладонями подбородок. Мой взгляд внимательно изучает маму. Красная повязка обрамляет светлые волосы, завязанные в пучок. Зеленые глаза поблескивают в слабом свете ночника, а щеки усыпаны веснушками, как и у

меня. Папочка всегда называет маму Лютиком. Говорит, что она такая же яркая и до невозможности необузданная. Я посмотрела, что это за цветок, и он показался мне очень хрупким и прихотливым. Его можно сломать одним неаккуратным движением. А Эвелин Хейз ничто не может сломить!

– Ты такая смелая, – восхищенно произношу я.

Еще ни разу не видела, чтобы мама хоть чего-то боялась. Она даже прогнала монстра из-под моей кровати в прошлом году всего за несколько минут. Вот насколько она может быть устрашающей! Хотя бабушка говорит, что это у мамы играют американские корни, и нам, ирландцам, не понять.

– Ради тебя, моя милая Сэм, я буду смелой и отважной воительницей, которая положит к твоим ногам весь мир. Какое самое главное правило в нашей семье?

– Никаких условий и правил! – не задумываясь отчеканиваю я.

– Правильно. – Она щелкает меня по носу и начинает так сильно щекотать бока, что у меня перехватывает дыхание, и я визжу, изо всех сил пытаюсь вырваться.

Наверняка завтра бабуля Бриджит скажет, что в меня опять вселился какой-то злой дух, но сейчас, в объятьях мамы, я до безумчества счастлива. Пусть миссис Эванс утверждает, что такого слова нет, но я-то знаю, что если совместить несколько чувств сразу, то получится что-то новое!

– Я люблю тебя, Сэм. Помни, никогда и никому не позволяй ставить тебе условия. В особенности, если это касается любви.

Я, конечно, не совсем понимаю, о чем говорит мама, но покорно киваю и, вновь устроившись у нее под боком, обвиваю ее шею руками, и вдыхаю аромат масляных красок, цветочных духов и мятного чая, который мама обычно пьет по вечерам.

Тогда мне казалось, что она будет рядом всю мою жизнь. Что я буду засыпать под биение ее сердца, наслаждаясь ароматом масляных красок. Но всего один неверный шаг способен вырвать цветок с корнем и погубить за считанные секунды.

Глава 1. Сэм

– Я хочу, чтобы наш дом напоминал райский уголок, – с воодушевлением произносит блондинка и оборачивается к своему мужу, который настолько увлечен чтением The New York Times, что даже не слышит ее.

Она откашливается, с натянутой улыбкой подходит к мужчине и кладет ладонь на его плечо. Два кольца на ее безымянном пальце выглядят настолько огромными, что я поражаюсь, как она еще не вывихнула руку. Если бы моя бабуля была здесь, то наверняка сказала бы, что именно они стали причиной кратеров где-нибудь в Ирландии.

Даже не спрашивайте, почему именно Ирландия, у нас все связано именно с ней.

– Я слышала, в этом году отдают предпочтения ярким оттенкам. Коллин, милый?

Он поднимает голову и скучающим взглядом окидывает магазин, будто вспоминает, как вообще тут очутился. Готова поспорить, что торги на биржевом рынке для него куда более увлекательное занятие, нежели прозябание в лавке с цветами.

– Прости, Кортни, я слишком увлекся, – в его голосе ни капли сожаления. Откашлявшись и поправив свой темно-бордовый галстук, который стоит куда больше, чем наша дневная выручка, он складывает газету и награждает жену дежурной улыбкой. – Милая, я полностью тебе доверяю. Уверен, что когда вернусь домой, то непременно попаду в рай.

Коллин встает, едва уловимо касается щеки Кортни губами и отстраняется ровно в ту же секунду, когда жена льнет к нему в ответной ласке. По лицу заметно, что она крайне недовольна происходящим, но, чтобы поддержать образ «идеальной пары», берет себя в руки и улыбается мужу самой обольстительной и понимающей улыбкой, которую только можно найти в каталоге для «идеальных жен».

Коллин бросает взгляд на свои наручные часы и тяжело вздыхает.

– Мне пора, партия в гольф уже через час. – Поправив пиджак, он сует газету под мышку. – Ты же знаешь, будь моя воля, я бы остался с тобой, но мы с Филиппом давно запланировали эту поездку.

Уголок губ Кортни подрагивает, но она, оставаясь в образе милого ангела, убирает невидимую пылинку с плеча мужа.

– Конечно, дорогой. Передай Филиппу привет, и пусть не забудет, что в субботу мы ждем их на ужин. Я приготовлю свой фирменный мясной рулет.

– Обязательно, – подмигнув жене, Коллин направляется к выходу и слегка задерживается у двери, когда я приподнимаюсь на носочки, чтобы поставить горшок с только что посаженной бегонией на полочку повыше.

При этом замечаю, как примерный семьянин охотно пялится на мою задницу, совершенно не стесняясь того, что я поймала его с поличным. Наконец, оторвавшись от созерцания моей пятой точки, он облизывает губу и награждает меня таким липким взглядом, что хочется вlepить ему пощечину.

– Думаю, мы к вам еще вернемся... – Теперь он без стеснения пялится на мою грудь, где на фартуке вышито имя. – Сэм. – Он проводит большим пальцем по нижней губе.

– Саманта, – поправляю я.

Я ненавижу, когда меня называют полным именем, но с этим мужчиной хочется держать дистанцию даже в таких мелочах.

Подмигнув мне, Коллин скрывается за дверью, бросив напоследок еще один взгляд на мою задницу.

Единственное, что его спасает от травмы головы, полученной в результате моего меткого удара глиняным горшком – сухое и недовольное покашливание Кортни.

Обернувшись, я сразу встречаю ее пронизывающий ледяной взгляд. Судя по выражению ее лица, это я заставила Колина опустить глаза ниже дозволенного уровня. Не удивлюсь, если она постоянно ловит его на грязном флирте с другими женщинами. И все же Кортни придерживается своего идеального образа прилежной жены, для которой общественное мнение играет куда более важную роль, нежели то, что ее муж – первоклассный кобель.

Обычно такие люди любят демонстрировать свое состояние самым наглядным образом: идеальная укладка в стиле степфордской жены, твидовый костюм от Chanel, тоненькая нить жемчуга и аромат денег, заполняющий собой все пространство и наглядно показывающий, что они находятся на вершине социальной лестницы, в то время как обычным смертным приходится выживать и марать руки. И в моем случае деньги не пахнут, поэтому я проглатываю свою гордость и мило улыбаюсь, чтобы получить заветный чек.

Отряхнув руки, подхожу к Кортни чуть ближе и прислоняюсь бедром к деревянному стеллажу.

– Вы желаете что-то конкретное? – интересуюсь, чтобы прикинуть, с чего начать. – Может, вам бы хотелось с помощью цветов привлечь положительную энергетику или удачу?

Она оборачивается, и ее взгляд медленно скользит по моим любимым поношенным кедам и темно-синим джинсам-кюлотам. Изумление достигает апогея при виде цветастого вязаного топа на тоненьких бретельках. Губы Кортни кривятся, и я уверена, что она вызвала бы полицию моды, если бы такое было возможно. На фоне ее дорогущего костюма я смотрюсь просто оборванкой, но, к нашей общей радости, мне глубоко плевать, что она думает.

– Сейчас придет мой дизайнер и объяснит всю концепцию. – Она бросает взгляд на наручные часы, обвивающие тонкое запястье и блестящие ничуть не меньше, чем два айсберга на безымянном пальце. – Но я начинаю подозревать, что мы здесь ничего не найдем.

И я совсем этому не удивлена. Куда больше меня поразило, что она в принципе переступила порог моего магазина и не заявила о том, что по нашей вине заразились цингой или прочей дрянью.

– Тогда дам вам возможность осмотреться и... – не успеваю договорить, так как Кортни отворачивается и, демонстративно игнорируя меня, направляется к самому дальнему стеллажу.

Что ж, такой расклад меня устраивает. По крайней мере, мы обе можем заняться тем, что любим: Кортни – презирать подобных мне, а я – пересаживать пять цветков, пока за ними не пришел заказчик.

Под косым взглядом Кортни я скрываюсь в кладовке, чтобы взять грунт и пару горшков. Стоит поднять мешок, как в нос ударяет приятный терпкий аромат сырой земли. Назовите меня ненормальной, но я просто обожаю этот запах. Сколько себя помню, моя жизнь всегда вертелась около цветов. Колючие и нежные, строптивые и хрупкие. Если обычно дети играют на площадках и познают все прелести аттракционов, то я, едва научившись ходить, уже внимала наставлениям своей бабули Бриджит и как губка впитывала все, что мог усвоить мой детский мозг.

Хотя все началось задолго до моего появления на свет. Когда-то давно цветочный магазин «Зеленый остров» представлял собой обычную повозку и пару десятков горшков с ирландской землей. Видимо, безумие семейства Хейз идет издалека, ведь мой прапрадед ступил на землю Калифорнии, не имея за душой ни гроша, но гордо держал за спиной потрепанный чемодан с пожитками и часть своей родины в виде мешка земли и пары ростков. Сначала появилась полуразваленная тачка, с которой он каждое утро выезжал на улицы города и просиживал под палящим солнцем до заката, а затем возвращался в свою убогую комнатнушку, чтобы день за днем повторять этот ритуал. Все изменилось, когда на его пути появилась девушка с настолько огненными волосами, что ему казалось, будто само солнце спустилось прямо к нему и озарило путь.

Вам тоже кажется это началом прекрасной сказки? Вы не одни такие. В свои три года я с упоением слушала эту историю. Но в двадцать четыре смотрю на все иначе. Если быть краткой, повозка сменилась арендой крошечного помещения, а затем оно преобразовалось в полноценный магазин, в каморке которого я, к слову, укрываюсь.

Семейное дело существует и по сей день, но, к сожалению, уже не настолько рентабельно, как это было раньше. Возможно, дедуля Грэди в гробу переворачивается от того, что сейчас творится в зале.

Отряхнув джинсы от земли и натянув на лицо любезную улыбку, возвращаюсь в магазин в тот самый момент, когда входная дверь распахивается, и на пороге появляется никто иная, как Бриджит Хейз.

В помещении сразу становится душно, потому что взрывоопасная энергетика моей бабушки заполняет буквально каждый уголок.

Бриджит захлопывает дверь, и колокольчик в виде лепрекона, окруженного металлическими палочками, позвякивает над ее головой. Кортни оборачивается, и когда ее взгляд натывается на мою бабулю, я определенно точно понимаю, что мы потеряли этот заказ. Все в Бриджит Хейз кричит о безумии. Ее рыжие волнистые волосы собраны в высокий пучок, но за счет того, что концы выбиваются, прическа больше похожа на змеек медузы Горгоны. Из-под темно-зеленого сарафана, доходящего до самого пола, виднеется настолько цветастая кофта, что даже моим глазам больно на нее смотреть. А феерическим довершением всего этого образа служит десяток бус, украшающих ее шею. Не хватает только ведьмовского котла и метлы.

– У нас клиенты! – так восторженно произносит бабуля, будто поверить не может, что к нам кто-то зашел.

Кортни буквально всю передергивает, когда Бриджит направляется к ней в сопровождении позвякивания украшений. Уверена, сегодня она пойдет делать прививку от бешенства.

Быстрым шагом направляюсь к бабуле, чтобы хоть как-то спасти ситуацию.

– Ты не сможешь мне закончить с пересадкой? – кладу руку на ее плечо, привлекая к себе внимание. – Нашей милой покупательнице нужно время, чтобы определиться.

Бабушка склоняет голову и снисходительно похлопывает шершавой ладонью мою руку.

– Сэми, на то мы и работаем в этом магазине уже на протяжении многих лет. Кто лучше нас поможет этой прекрасной леди с выбором?

Да она скорее согласится зайти в «Уолмарт», нежели пожать мне руку. Но у Бриджит Хейз свои планы. Она хватается Кортни за предплечье и так резко тянет на себя, что миссис «пью воду за сто баксов» едва не падает.

– Вы сделали очень правильный выбор, что зашли в «Зеленый остров», – щебечет бабушка.

Когда они подходят к стеллажу с сухоцветами, Бриджит берет саше с лавандой, подносит его к лицу и делает глубокий вдох.

– Если хотите стабилизировать энергетику в доме или нормализовать сон, то вы просто обязаны положить под подушку пару таких саше, и ваша жизнь изменится в ту же секунду! – Она пихает мешочек в ладонь Кортни, и та от шока открывает и закрывает рот, будто ей не хватает воздуха.

– Простите, но...

Бриджит не обращает на нее никакого внимания и хватается следующее саше.

– Но если вам не хватает искренности или вы в чем-то подозреваете близкого, рекомендую обратиться к розмарину, – заговорщически произносит она, и вот в руках Кортни уже два мешочка.

Я едва не испускаю страдальческий стон. Именно поэтому я стараюсь обслуживать таких клиентов побыстрее, чтобы они не успели услышать все до единой истории из жизни бабули Хейз. Они никого не оставляют равнодушным и фиксируются в памяти на долгое время. И даже крепкий виски не поможет вам избавиться от них. Поверьте, я пыталась.

Прислонившись к деревянному прилавку, наблюдаю за тем, как бабушка рассказывает о значении каждого цветка и не дает Кортни раскрыть рта. Ее твидовый костюм уже не выглядит таким идеальным, как и прическа: несколько светлых прядей выбились из тугого пучка и свисают у висков.

Какой бы странной, даже по моим меркам, ни была бабуля Хейз, но она – это все, что у меня есть. Бриджит может отпугивать клиентов, нести несусветную чушь про легенды Ирландии и носить до того яркие наряды, что порой при взгляде на них рискуешь повредить глазную сетчатку. И все же именно она вырастила меня, вложила в голову все имеющиеся знания и сделала так, чтобы зияющая дыра в моей груди стала чуть меньше. Именно она прогоняла кошмары и заверяла, что меня ждет светлое будущее. Отводила в школу и учила стоять за себя. В этой хрупкой пожилой женщине куда больше силы, чем может показаться на первый взгляд.

Наша жизнь рухнула в один день, и именно бабуля Хейз сделала так, что из руин боли и отчаяния, словно росток цветка, проросло счастье.

– Простите, конечно, но, во-первых, хватит пихать мне этот мусор, – взвизгивает Кортни. Она отстраняется от бабушки и, хмуря носик, отряхивает свой жакет. – Во-вторых, я же сказала, что мне ничего от вас не нужно. Сейчас подойдет мой дизайнер и... – Раздается сигнал мобильного, и по лицу Кортни пробегает волна облегчения, когда она видит знакомый номер. – Господи, Джилл, ты где? Я застряла в этом уютном месте!

Она внимательно слушает собеседницу, а затем устремляется к выходу из магазина с такой скоростью, что едва не сваливает этажерку с кактусами. Кортни убирает телефон от уха и так шумно выдыхает, будто только что не из магазина вышла, а сама лично спустилась в ад за новенькими туфлями от Chanel.

Мы с бабулей останавливаемся в дверном проеме и наблюдаем, как девушка, невероятно похожая на Кортни, приближается к ней.

– Кортни, где ты была? Я уже целых двадцать минут жду тебя в магазине. Что ты вообще тут делала? – Скептический взгляд Джилл устремляется сначала на витрину нашего магазинчика, а уже потом доходит до нас.

– Ты сама дала мне этот адрес! – возражает Кортни.

– Возможно, ты перепутала. Я имела в виду магазин через дорогу. – Джилл кивает в нужном направлении, и я закусываю губу, чтобы не показать, насколько расстроена.

Я понимала, что такие люди, как Миссис Белоручка, не ходят по местам, подобным нашему магазину, но все же у меня сохранялась надежда, что она не собирается обращаться к нашему главному конкуренту.

– Пойдем отсюда, пока эта сумасшедшая опять не начала рассказывать всякую чушь.

Кортни, Джилл и чек на кругленькую сумму устремляются напрямик в лучший цветочный бутик в восточном Лос-Анджелесе, если, конечно, верить статистике. Уже с порога их встречают с бокалом шампанского. Нет никакого саше, чудаковатых старушек и легенд, что на другом конце радуги обязательно будет ждать мешочек с золотом.

Привалившись плечом к дверному косяку, я наблюдаю за тем, как Кортни, потягивая напиток из хрустального бокала, эмоционально делится своими впечатлениями. Уверена, сегодня у Коллина за ужином будет новая развлекательная программа.

Я же не могу оторвать взгляд от простой, но в тоже время утонченной вывески с надписью «Веточки и шпагат». Нет ничего лишнего. Ни лепреконов, ни позвякивающих колокольчиков.

После того, как год назад «Веточки и шпагат» открылись напротив «Зеленого острова», наши дела пошли на спад. Не то чтобы раньше клиенты были готовы стоять по несколько часов, лишь бы дождаться своей очереди, но мы не бедствовали. Нам хватало на жизнь и содержание магазина, теперь же временами приходится экономить.

Так что я была бы не против, если бы на пороге магазина волшебным образом появился горшочек с золотом и решил половину проблем.

– Сэми, заходи внутрь, – кричит бабушка, и я закрываю дверь, чтобышний раз не посмотреть, как Кортни восторгается предложенной цветочной композицией.

– Они почти были у нас в кармане, – хмуро отвечаю я, заходя за прилавок.

Бабуля отмахивается от меня и поправляет на полочке саше.

– Не говори ерунды. Такие люди, как они, никогда не будут нашими клиентами.

Тяжело вздохнув, насыпаю немного грунта в горшок и аккуратно вытаскиваю цветок, чтобы не повредить корни.

– Мы могли бы немного изменить подход, – между прочим говорю я. – Например, разнообразить интерьер, сделать его чуть...

– Изменить интерьер? – грохочет ее скрипучий голос. – Саманта Хейз, это последний раз, когда ты произносишь подобные слова! Наш магазин уходит корнями далеко в прошлое.

С таким настроем мы скоро станем банкротами и вернемся к тому, с чего начинали, а именно – к деревянной повозке. Возможно, индивидуальность – это хорошо, но только в том случае, если в ней нет частички сумасшествия, как в нашем магазине. А он пропитан ей сполна. Лепреконы, саше, разные амулеты и горшки странных форм. Чем не магазинчик Вуду?

– Знаю-знаю. Дедуля Грэди положил жизнь, чтобы его потомкам было что есть, – бормочу я, засыпая в горшок землю. – Но если мы и дальше продолжим в том же духе, то останемся ни с чем, и хваленое семейное наследие умрет точно так же, как и твой сэндвич, оставленный вчера вечером на кухне.

Бабуля лишь усмехается, будто я маленькая девочка и ничего не смыслю в жизни. Она подходит ко мне, и ее рука, покрытая морщинами, накрывает мою ладонь. Склоняю голову и смотрю на нее уставшим взглядом.

– Сэми, чему я тебя учила с самого детства? – ее губы растягиваются в теплой улыбке.

Каждый раз, когда бабуля проворачивает этот фокус, я начинаю таять.

– Жизнь – волшебство, – выдавливаю из себя.

Она похлопывает меня по ладони.

– Никогда не забывай об этом.

И начинает напевать какую-то странную песню, а я устремляю свой взгляд на окно, завешенное странными фигурками фей.

В три года я внимала каждому ее слову. Сейчас же верить в сказки становится все тяжелее.

Глава 2. Сэм

На следующий день я наливаю себе огромную кружку кофе и, устроившись на диване, пролистываю сайт «Веточки и шпагат». Я делаю это уже не в первый раз, но сегодня смотрю на него не как владелица убыточного магазина, а как заинтересованная клиентка.

Надо отдать должное: минимализм и стиль играют им на руку. Сайт оформлен со вкусом, и я едва не заказываю букет нежных пионов, потому что они настолько элегантно выглядят, что я уже готова ввести номер кредитки. И плевать, что обычно считаю настоящим убийством срезать цветы, чтобы затем выкинуть их через пару дней. Делаю глоток уже остывшего кофе и смотрю на часы. До открытия магазина еще сорок минут. Бриджит ушла на очередное занятие по зумбе, едва я успела открыть глаза, поэтому я решила воспользоваться моментом и сделать небольшую перестановку, плюс щелкнуть несколько фото, чтобы обновить сайт магазина. Хотя я не прочь узнать номер маркетолога «Веточки и шпагат», чтобы он взглянул на наш сайт. Скорее всего, он сразу скажет, что нам будет проще закрыться.

Некоторое время посматриваю сайт, но только больше расстраиваюсь, поэтому, захлопнув ноутбук, отправляюсь на кухню, чтобы приготовить Бриджит завтрак. После занятий танцами она приходит настолько выжатой, что едва не падает с ног. Последние несколько месяцев бабуля стала еще безумнее, если такое, конечно, вообще возможно, когда мы говорим о Бриджит Хейз. Она занимается зумбой, спиритическими сеансами, ходит на семинары по очищению ауры и, если не ошибаюсь, а это точно не так, недавно я видела, как один молодой и довольно сексуальный парень помогал ей выбраться из такси в девятом часу вечера. Если однажды она заявит, что собирается опуститься на дно Марианской впадины, то я совсем не удивлюсь. Эта женщина способна на все.

Быстро готовлю яйца с сосисками и фасолью, накрываю все крышкой и отправляюсь к себе в комнату, чтобы переодеться и открыться пораньше «Веточек и шпагата». Вчера они явно осчастливили безумных близняшек Кортни и Джилл, судя по их сияющим лицам на пороге магазина.

Остановив свой выбор на уютном желтом вязаном платье до колен, поправляю рыжие волосы, собранные в пучок, и, повязав вокруг головы повязку в тон одежде, наношу немного румян на щеки.

Уже перед выходом из комнаты прикладываю пальцы к губам, а затем к картине, висящей около окна.

На мгновение сердце замирает.

– Хорошего дня, мам, – шепчу я, проводя указательным пальцем по ромашковому полю, изображенному на холсте.

Как бы я хотела, чтобы мама оказалась рядом и сказала, что делать. У Эвелин Хейз всегда был запасной план.

Вставляю ключ в замок и слышу за спиной знакомый голос:

– Доброе утро, Сэм.

Обернувшись, вижу перед собой Питера. В его руках два стаканчика кофе, и на одном красуется мое имя.

– Здравствуйте, доктор Холстоун, – подношу два пальца ко лбу и салютую ему.

– Умоляю, не называй меня так ближайшие сорок восемь часов, – жалобно стонет он.

Хихикнув, наглым образом забираю из картонной подставки свой стаканчик и делаю маленький глоток.

Питер бросает свою сумку на пол и, привалившись плечом к стене, медленно потягивает фраппучино.

С Питом мы познакомились, когда он только переехал в наш жилой комплекс. Точнее, сначала я увидела гору коробок, а уже следом его, раскрасневшегося и жутко недовольного, так как лифт сломался именно в день переезда. Я со всем своим энтузиазмом пыталась помочь, но эта затея обернулась нашим падением с лестничного пролета, переломом руки Пита и вывихом моей лодыжки. С тех пор я умерила свой пыл, а лучший друг старается не переставлять какие-либо вещи в моем присутствии.

Наша дружба зародилась на любви к китайской еде, утренних пробежках и подкармливании бездомных домашних животных.

– Что с твоей бровью? – киваю на его лицо, и Пит морщится.

– Шпиц решил вырваться из клетки и устроить мне бессонную ночь. – Прикоснувшись к ушибу, он недовольно кривится. – Никогда бы не подумал, что эти маленькие собачки могут быть такими свирепыми.

– Замени шпица на питбуля, и это потянет на эпичную историю спасения, благодаря которой ты сможешь пополнить свою анкету на Тиндер.

Пит работает ветеринаром и иногда остается в клинике на ночь, чтобы следить за состоянием животных после операции. Он говорит, что если выбирать между видеоиграми и знакомством в интернете, всегда выберет второе. Даже если зачастую такие свидания заканчиваются тем, что его оставляют без денег.

– Тебе нужно поменьше общаться с Брайт. Человечество еще не придумало вакцину от ее яда. – Пит морщится при упоминании нашей общей подруги Холли. – Как Бриджит? – интересуется он, доставая из кармана ключи от квартиры.

– Как всегда безумна. Где-то на другом конце города танцует зумбу с парнями в два раза младше нее.

– На днях она сказала, что у меня классная задница, – он улыбается так, будто комплимент от моей сумасшедшей бабули равносителен получению премии Ласкера.

– Ага, а еще вчера вечером она сказала, что если на ночь я положу веточку шалфея под подушку, то утром встречу свою судьбу, – оглядываю длинный коридор и развожу руки в стороны. – Как видишь, кроме нас с тобой, никого нет.

– Может, я и есть твоя судьба. Надежный, успешный, с отличным чувством юмора, – Пит поочередно загибает пальцы.

– А еще с жуткой привычкой знакомиться с девушками в интернете.

Он открывает дверь и закидывает сумку в свою квартиру.

– Не принимай всерьез все, что говорит Бриджит Хейз, иначе начнешь верить во всю эту паранормальную чушь, как и она. – Допиваю кофе и смотрю на наручные часы. У меня осталось не так много времени до возвращения бабули. Так что надо пошевеливаться, если я хочу выкинуть хоть что-нибудь из семейного хлама.

– Какие планы на завтра? Я достал билеты на «Лейкерс». Вип-места, много фастфуда, и ты сможешь кричать «дерьмо» каждый раз, когда мяч окажется в корзине соперника.

– Я всего лишь один раз перепутала команды.

Как-то мы с Питом пошли на баскетбольный матч. Я была настолько впечатлена всеобщей энергетикой, что не особо слушала наставления лучшего друга, где какая команда. Меня больше занимал хот-дог, источающий фантастические ароматы. А теперь представьте картину: вокруг полно разъяренных фанатов «Лейкерс», все одеты в ярко-желтую форму, и я, орущая как не в себя «дерьмо», когда команда забивает мяч противнику.

– Если ты купишь мне несколько хот-догов, думаю, я смогу не привлекать к нам внимание, – постукиваю пальцами по подбородку.

– Договорились.

Мы прощаемся с Питом, и я, не дождавшись лифта, спускаюсь на улицу. До магазина идти всего десять минут, поэтому я совершаю еще один ежедневный ритуал и набираю привычный номер.

– Хейз, я уж думала, тебя сбила машина, – сонно ворчит Холли, и я слышу шуршание простыней. – Подожди секунду.

Раздается недовольный мужской голос, а следом хлопок двери.

– Ты в туалете?

– Именно, – облегченно выдыхает Холли, и я представляю, что сейчас она находится на пляже и чувствует себя удовлетворенной, потому что лежит на горячем песке.

Холли Брайт – ходячая катастрофа. Она спит со всеми подряд, звонит мне из самых неподходящих мест и категорически против каких-либо норм поведения. Тем не менее, она моя лучшая подруга с младшей школы, и если ей комфортно разговаривать со мной, сидя на унитазе, то ничего не имею против.

– Итак, как его зовут? – интересуюсь я.

– Упругая задница, – зевает она.

– Оригинально.

– Мне не нужно знать имя парня, который неплох в постели, – слышится щелчок зажигалки, и я понимаю, что Холли закурила. – Только не читай мне лекции о статистике смертности от рака легких. Если мне суждено от него умереть, то я хотя бы успею сделать еще пару затяжек. Как Бриджит?

– Замечательно. Зумба – ее фаворит в этом месяце.

Холли смеется.

– Эта старушка переживет нас с тобой.

Очень на это надеюсь. Я не позволю Бриджит Хейз отдать душу Господу.

– Итак, как насчет вечернего забега? Ты, я, «Маргарита» и парочка парней, которые скрасят наш досуг?

– От последнего, пожалуй, откажусь. К тому же у тебя есть мистер «упругая задница».

– Я сказала ему, чтобы он проваливал, за десять минут до твоего звонка, пока находилась на пике блаженства.

– Ты неисправима, – останавливаюсь около фудтрака и заказываю себе хот-дог с халапеньо.

– А ты давно ни с кем не спала. Давай же, Хейз, надо нарушить твой целибат после Джейка. Чувак не стоил и дюйма твоей прекрасной...

– Умоляю, не заканчивай это предложение.

– Я хотела сказать души, – хмыкает она.

Ага. Как же.

От воспоминаний о Джейке мне на мгновение становится грустно. Мы встречались три года. Наши отношения развивались стремительно, но в то же время были похожи на лайнер, дрейфующий по бескрайнему океану. Джейк признавался в любви тогда, когда это было нужно. Водил на свидания, и я даже успела оставить зубную щетку в его квартире. Обычно такое заканчивается свадьбой и парой детишек. И, наверное, так бы все и произошло, но в один прекрасный день ему предложили должность в филиале его букмекерской фирмы на другом конце страны. Это означало, что я должна была оставить Бриджит, магазин и все, что мне дорого. Должна была лишиться всего, только чтобы Джейк периодически водил меня в ресторан, за ужином рассказывал о том, как прошел его день, и три раза в неделю занимался со мной сексом в миссионерской позе. Этого недостаточно, чтобы я была готова рискнуть. Мое сердце не разбилось, когда он уехал, а уже через три месяца мне пришло приглашение на свадьбу с Эммой Гринвуд. Мне было грустно, что я три года встречалась с человеком, которого так и не смогла полюбить и от которого мое сердце не сделало ни одного сумасшедшего скачка.

И я точно не держу целибат. Как выяснилось, самые яркие оргазмы я могу доставить себе сама, а спать с тем, кто платит двадцатку за мой коктейль, уж точно не собираюсь.

– Ну так что? – зевая, интересуется Холли.

– Прости, но сегодня в магазине полно дел. Надо подумать, что делать с сайтом и как привлечь внимание клиентов, чтобы мы не пошли на дно, – забираю свой хот-дог и, откусив большой кусок, сворачиваю за угол.

– Может, поджечь конкурентов?

Я смеюсь, но то, как просто и спокойно эти слова слетают с губ подруги, порождает небольшую тревогу.

– Давай держаться в правовых рамках. Возможно, мне удастся уговорить Бриджит на небольшой ремонт.

Хотя скорее на пороге нашей квартиры появятся лепреконы, о которых я слышу с самого детства, нежели бабуля даст добро на мои планы.

Кусок сосиски встает поперек горла, когда я замечаю, как Бернард Уолш, наш арендодатель, крутится около запертой двери магазина и отчаянно пытается что-то туда просунуть.

– Холл, повиси немного, – прошу я и кладу телефон в сумку. – Мистер Уолш. – От моего голоса он подсказывает, а белый конверт среднего размера падает к моим ногам.

– Саманта, ты так рано, не ожидал тебя увидеть. – Он проводит носовым платком по взмокшему лбу. Потом наклоняется и, подняв письмо, засовывает его во внутренний карман пиджака.

– Зайдете? – Достая из сумки ключи и вставляю в замок.

– Нет, я всего лишь хотел передать письмо.

Выгнув бровь, смотрю на Уолша. Белая рубашка, обтягивающая его объемную фигуру, все больше покрывается пятнами от пота, а сам он так часто дышит, будто находится на грани сердечного приступа. Мы арендуем это помещение уже многие годы, и у нас никогда не возникало проблем. Разве что после того, как Эндрю Уолш отошел от дел и передал все сыну, которому приходится сталкиваться с непростым характером Бриджит.

– Тогда, возможно, стоит это сделать? – протягиваю руку в ожидании дурных новостей.

А они определенно будут дурными.

Обычно Бернард не появляется на пороге нашего магазина просто так. В прошлом году он целый час пытался сказать, что повышает арендную плату, а сейчас едва не падает в обморок.

– Да, конечно. – Похлопав себя по груди, он рассеянно вытаскивает злополучный конверт, протягивает мне. – Что ж, я, пожалуй, пойду. Передавай привет Бриджит.

Смотрю сначала на Бернарда, затем на конверт. Если бы там не было ничего важного, то он просто позвонил бы Бриджит и сказал как есть. Сейчас же он трясется так, будто на улице стоит арктический холод, но в тоже время весь покрывается потом.

И если сложить все детали, то на ум приходит только один ответ:

– Вы нас выгоняете! – впечатываю конверт вместе с хот-догом прямо ему в рубашку и прожигаю раздраженным взглядом.

– Я...

– Мы снимаем это помещение почти тридцать лет! И тут вы внезапно решаете, что имеете право нас выгнать? – наступаю я, и он врывается спиной в дверной косяк, жадно хватая ртом воздух.

Адреналин с такой скоростью выбрасывается в кровь, что мне становится жарко, а все тело пробирает дрожь. Я не собираюсь отступать. Если он думает, что я сдамся и позволю выставить нас просто так, то глубоко ошибается! Хейзы никогда не сдаются!

– Мы исправно платим аренду!

Горчичный соус растекается по рубашке мистера Уолша, но это меньшая из его бед на данный момент.

– Знаю-знаю, Саманта, – с заиканием произносит он. Его взгляд мельком устремляется куда-то мне за спину, и когда я оборачиваюсь, вижу «Веточки и шпагат». Проклятье! – Но...

– Они купили вас!

– Нет, они предложили более выгодную сделку! – вдруг твердо произносит он и выпячивает грудь. – Я бизнесмен, и в первую очередь для меня важно, чтобы мой бизнес приносил доход. Я не повышал арендную плату в этом году только из уважения к твоей бабушке.

– Да что за бред, вы ее терпеть не можете!

Как-то Бриджит сказала ему что-то на ирландском, и он посчитал это оскорблением. С тех пор Бернард все вопросы решал исключительно через меня. Но сегодня рискует услышать что-то обидное на старом добром американском.

– Послушай, Саманта. Я даю вам время до конца месяца, чтобы вы собрали все вещи и съехали. – Он выбирается из-под моего напора и, впихнув мне в руку потрепанный хот-дог с конвертом, отходит к своей серебристой «Ауди».

– Я подам в суд!

– Пожалуйста, только в договоре есть пункт, в котором прописано, что я могу предупредить вас о выселении за три недели. К тому же сомневаюсь, что у вас есть деньги на хорошего адвоката.

Это становится последней каплей, и я с угрожающим видом надвигаюсь на него, желая впечатать его наглуго физиономию в капот новенькой машины. Слизняк забирается внутрь и блокирует двери в тот самый момент, когда я дергаю за ручку.

– Всего хорошего, Саманта. – Он резко дает по газам, отчего шины начинают свистеть, а запах жженой резины бьет в нос.

– Козел! – кричу я и кидаю вслед хот-дог.

Он вливается в поток машин, а я остаюсь стоять на бордюре с проклятым конвертом в руках, совершенно не понимая, что делать. Прохожие смотрят на меня, как на сумасшедшую, и когда я перевожу взгляд на белую дверь на другой стороне улицы, мне улыбается хозяйка «Веточек и шпагата». Она машет кончиками пальцев, затем подносит к губам бокал шампанского и делает глоток с таким наслаждением, что я едва не срываюсь с места, чтобы высказать все, что думаю о ней и ее проклятом магазине.

Но я лишь гордо вскидываю голову и показываю ей средний палец, чем стираю эту мерзкую победную улыбку с лица конкурентки. Достаю телефон из сумки и сквозь стиснутые зубы произношу:

– Холли, если ты спала хотя бы с одним адвокатом, то должна немедленно найти его номер!

Черта с два я отдам это помещение! Его нашел мой отец! И я не собираюсь его терять только потому, что Уолш решил побольше заработать.

Глава 3. Сэм

– Сэми, успокойся, – тихо говорит бабуля и кладет свою ладонь поверх моей.

Листы договора с дьяволом сминаются под тяжестью наших рук, и я вскидываю голову, чтобы посмотреть на Бриджит.

Она пришла сразу же, как только я позвонила и «обрадовала» новостью о выселении. На удивление, бабуля совершенно спокойна. Если я в сотый раз перечитываю договор, в надежде найти хоть малейшую зацепку, то она, как ни в чем не бывало, перекладывает свои любимые саше и рассуждает о том, что было бы неплохо покрасить стены в квартире в зеленый цвет.

– Он выгоняет нас! – гневно шиплю я. Желание придушить Бернарда Уолша растет с каждой секундой в геометрической прогрессии. – Кем он себя возомнил? Мы столько лет исправно выполняли свои обязательства, не создавали проблем, а он, как последняя сволочь, побежал за той, которая предложила ему больше денег!

Предложение Холли устроить поджог конкурентам уже не кажется таким абсурдным. Единственное, что меня сдерживает от жажды мести – почти опустевший банковский счет.

– Сэми... – вновь смиренно произносит Бриджит.

– Не успокаивай меня! – одергиваю свою руку и так резко делаю шаг назад, что ударяюсь спиной о деревянный шкаф.

Фигурки и горшки, стоящие в нем, шатаются, и одна, упав на пол, разбивается на мелкие осколки.

Проклятый Уолш!

В груди разрастается ком, от которого становится тяжело дышать. Кладу руки на живот и делаю несколько медленных вдохов в жалкой попытке успокоиться, но тщетно. Единственное, о чем я могу сейчас думать – мы потеряем последнее, к чему имел отношение папа.

Я снова потеряю его.

Их.

К глазам подступают слезы, и я сильно зажмуриваюсь, чтобы не дать им волю.

Я найду лучшего адвоката и заставлю Уолша пожалеть о своем решении. Хватаюсь за деревянную полку позади и снова медленно выдыхаю, но сердце по-прежнему так сильно грохочет в груди, что я слышу его стук в ушах. Открыв глаза, вижу сочувственный взгляд Бриджит. Под ее глазами залегли тени, и она выглядит такой уставшей, что грудь пронзает чувство вины за этот эмоциональный всплеск.

Подхожу к ней и, приобняв за плечи, целую в висок. Аромат вербены и лимона просачивается в легкие, и на мгновение мне становится спокойно. Она ведь тоже может вновь их потерять, точно так же, как и я.

– Я все улажу, – обещаю я.

Не знаю, кому говорю это. Себе, бабушке или им?

– Сэми, нет ничего страшного, если мы откроем магазин в другом месте, – вдруг говорит Бриджит. – Твой отец – это не те вещи, с которыми он был связан. Астин так же, как и твоя мать, живет здесь. – Она кладет ладонь на мою грудь: туда, где гулко бьется сердце.

Чувство одиночества с такой силой окутывает меня, что я непроизвольно сжимаю пальцы на плечах Бриджит.

Однажды я уже потеряла родителей. Разбила свое сердце и в шесть лет научилась быть взрослой. Я делала все, чтобы не утратить с ними связь и навсегда сохранить в памяти. Время – ужасная штука. Оно стирает воспоминания, притупляет боль и делает так, что все самое важное забывается. А я хочу помнить. Это последнее, что у меня осталось.

– Нет, – резко дернув головой, целую Бриджит в макушку и отхожу от нее.

Убираю договор аренды в сумку, хватаю телефон и направляюсь к выходу.

– Холли скинула адрес адвокатской фирмы. Там работал парень, с которым она... Ну, в общем, она была знакома, – если быть точной, то цитирую: «Тебе повезло, Хейз, пусть языком он управляет как дрожащий девственник, но как адвокат – самый лучший».

– Холли? – усмехнувшись, бабушка качает головой. – Продезинфицируй телефон, милая. На эту девицу ни в чем нельзя положиться.

– Бабушка...

– Что? – С невозмутимым видом она закрывает коробку с саше и ставит ее на пол. – Я видела, как она пыталась засунуть свой язык в глотку почтальону. Ему, на минуточку, сорок, Сэми.

Надо сказать Холли, чтобы она воздержалась от визитов к нам домой и в магазин. Бриджит ее на дух не переносит и после каждого посещения подруги проходит святой водой даже по самым дальним углам.

– В общем, я схожу к нему, и как что-то узнаю, сразу тебя наберу. – Бабуля открывает рот, чтобы что-то сказать, но я вскидываю руку. – И пожалуйста, пойді домой и отдохни. Зумба доведет тебя до приемного покоя городской больницы.

Я выхожу прежде, чем она успевает возразить.

Мои пальцы задерживаются на дверной ручке магазина. Под кожей чувствуется шершавость и небольшой скол, но я сильнее обхватываю ее, отчего мелкие зазубрины впиваются в пальцы.

– Мы не проиграем, пап, – шепчу я. – Обещаю.

Переступаю порог адвокатской конторы «Уильямс и Эймс», и на мгновение меня пробивает озноб. Высокие потолки, панорамные окна и хрустальная люстра приводят в ступор, и я начинаю мысленно подсчитывать, во сколько обойдется консультация. Кремовые стены украшают несколько картин в стиле постмодерн. Диваны мягкого коричневого цвета и вазы с живыми цветами, из которых торчит карточка. Надеюсь, что не увижу там подпись «Веточка и шпагат», иначе, клянусь Богом, впечаталаю этот проклятый букет прямо в стену.

– Вас ожидают? – скептический голос секретарши, расположившейся за большим офисным столом, отвлекает меня от преступных мыслей.

– Не совсем. – Я подхожу ближе и сжимаю в руках лямки сумки. – Мне вас посоветовала знакомая, она сказала, что здесь я могу получить квалифицированную помощь.

Взгляд блондинки медленно скользит по мне, и ее носик хмурится, когда она доходит до ожерелья из мелких ракушек на моей шее. Да, возможно, я не произвожу впечатление серьезного человека, но намерена выложить кругленькую сумму, даже если она мне не по карману.

Взгляд цепляется за надпись на ее груди «Лесли», и я придвигаюсь чуть ближе.

– Послушайте, Лесли, мне сказали, что здесь я могу получить то, что мне необходимо, – понимаю, как глупо сейчас звучу, ведь Холли даже не вспомнила имя того мужчины, с которым спала, а визитная карточка служила пепельницей в ее туалете. Единственное, что она запомнила – он без умолку болтал о фирме, в которой должен был стать партнером. Возможно, ей все же стоит хоть изредка напоминать имена.

Лесли делает тяжелый вздох и бросает взгляд мне за спину, будто ищет того, кто поможет выставить меня отсюда, но я не сдаюсь.

– Неужели у вас сейчас нет свободных сотрудников для обычной консультации? – раздраженно передергиваю плечом.

Я уже порядком устала от того, что сегодня все идет против меня.

– Нет, свободных сотрудников, как вы выразились, у нас нет, – деловым тоном отвечает она, поправляя свою белоснежную блузку. – Вам необходимо заранее записаться, и тогда «Уильямс и Эймс» к вашим услугам.

Она открывает ежедневник, бегло просматривает его, а затем поднимает голову, награждая меня снисходительной улыбкой.

– Ближайшая запись через полтора месяца, если вас...

– Что здесь происходит? – слышу спокойный мужской голос, и на меня накатывает волна облегчения. Возможно, его обладатель куда более сочувственный, нежели эта стерва.

Поворачиваю голову, и взгляд моментально упирается в высокого мужчину с такими черными глазами, будто в них поселилась сама тьма. Его темные волосы аккуратно уложены назад, а из-за волевого подбородка и четкой линии скул он выглядит будто статуя, которую только что слепил художник. Он смотрит на меня непроницаемым взглядом, и я на мгновение даже забываю, зачем пришла сюда. Рядом с этим мужчиной в деловом костюме, идеально подчеркивающим широкие плечи и придающим образу еще больше сексуальности, я чувствую, как по позвоночнику пробегают мурашки, а мое либидо вот-вот возьмет разум под контроль.

Святое дерьмо!

От таких мужчин исходит настолько сумасшедшая харизма, что подкашиваются колени. Будь здесь Холли, она бы отвесила пару непристойных шуточек.

– Мисс... – сексуальный незнакомец смотрит на меня, приподняв бровь.

– Да, простите, – откашливаюсь я. Молодец, Хейз, ты выбрала очень удачное время для нарушения celibата. – Я уже сказала вашей помощнице, что мне посоветовали вас как квалифицированную фирму, в которой могут помочь с моей проблемой.

Вытаскиваю из сумки папку с договором и протягиваю ее мужчине, но он остается невозмутимым.

– Простите, мистер Дэниелс, я сказала, что сейчас все заняты, и предложила записаться, но она просто отказывается уходить, – благоговейным голоском щебечет Лесли. Наверняка от его ежедневного созерцания у нее случаются мини-оргазмы.

Моя рука все еще висит в воздухе между нами, и *мистер Дэниелс* или *мистер «ходячий секс»* не спешит брать протянутые документы. Его мрачный взгляд изучающе скользит по моим поношенным конверсам, доходит до платья, и когда достигает повязки на голове, он вдруг кривит рот.

Я начинаю чувствовать себя неловко и уже думаю, что он сейчас скажет вызвать охрану, чтобы выпроводить меня на улицу, но он поджимает губы и переводит взгляд на секретаршу.

– Ничего, Лесли, все в порядке. Пройдемте со мной, – не дожидаясь моего ответа, он разворачивается и направляется по коридору.

Я догоняю его ровно в тот момент, когда мы подходим к кабинету с надписью «Майкл Дэниелс». Он пропускает меня вперед и следом закрывает за нами дверь.

– Присаживайтесь, – он указывает на кресло для посетителей, а сам устраивается напротив и выжидающе смотрит на меня. – Если вы намерены молчать, то хочу сразу предупредить, что час моего времени стоит тысячу долларов.

Интересно, если я скажу, что у него классная задница, он сделает скидку?

– Эм, да. – Поерзав в кресле, вновь протягиваю свою папку, и на этот раз он ее берет. – Если кратко, то я хотела бы узнать, может ли арендодатель выгнать нас из помещения только потому, что он резко изменил свое решение в сторону более выгодного предложения.

Майкл пробегается по договору, все тем же совершенно безэмоциональным взглядом. Еще не встречала людей, которые были бы настолько безразличны к окружающим.

– Проблемы с оплатой аренды? – интересуется он, не отрывая взгляд от текста.

– Нет.

– Конфликты, сексуальное домогательство?

– Разумеется нет!

Если бы Бернارد хоть раз косо посмотрел на меня, то Бриджит уже сделала бы из его яиц трофейный амулет и повесила на шею.

Майкл продолжает изучать договор, я же осматриваю его кабинет и ловлю себя на мысли, что он безликий. Белые стены, рабочий стол, стул, панорамные окна и ноутбук. Все. Нет ни единой вещи, которая говорила бы что-то о Майкле Дэниелсе. Только табличка с его именем.

Он заканчивает читать и, закрыв договор, кладет его на стол.

– В таком случае советую вам подыскать новое помещение, так как собственник имеет полное право прекратить сотрудничество. К тому же он предупредил вас заранее, что также прописано.

– И это все?! – едва не взвизгнув, пронзаю его сердитым взглядом.

Он тяжело вздыхает и сжимает переносицу большим и указательным пальцами. У него такой вид, будто он пытается донести до меня очевидные вещи, а я, как полная идиотка, не понимаю. Но он даже не хочет попытаться помочь мне!

– Поймите, это помещение, этот магазин... они слишком важны для меня. Я не могу отказаться!

– Откройте магазин в другом месте. Не вижу проблемы, – равнодушно произносит он, пожимая плечами. – Лос-Анджелес переполнен арендодателями, желающими заключить сделку. Или вы хотите, чтобы я судился с человеком только потому, что он принял более выгодное предложение?

К черту его харизму и красоту, этот мужчина – редкостный засранец!

– Я рассчитывала, что адвокат проявляет куда больше сочувствия, когда к нему обращаются с просьбой о помощи, – шиплю я.

Мне приходится сжать зубы, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Уверена, если я сделаю это, он, не задумываясь, подаст против меня иск. Что он может знать о проблемах, сидя в роскошном кабинете на пятнадцатом этаже? На нем дорогой костюм, а все встречи распланированы наперед на несколько месяцев. Он с легкостью зарабатывает штуку баксов в час, а затем садится в свой новенький спорткар, чтобы отправиться домой и затащить в постель кого-то вроде своей секретарши, у которой трусы слетают только от одного его вида.

– Послушайте, мисс...

– Хейз. – Складываю на груди руки и пронзаю его таким же непроницаемым взглядом. Хотя наверняка на моем лице написано все, что я о нем думаю.

– Отлично. Послушайте, мисс Хейз, я бы действительно посоветовал вам найти более выгодное место для вашего бизнеса. Если владелец помещения решил разорвать договор, то вы попусту потратите деньги на адвокатов и суды. Вам также придется оплатить все судебные издержки. Сомневаюсь, что вам это по карману. – Майкл отодвигает от себя папку с документами и с совершенно спокойным видом откидывается на спинку кожаного кресла.

Все во мне кипит от гнева, но я выйду отсюда, сохранив достоинство, хоть и держусь на последних каплях самообладания.

– Что ж, спасибо за совет, но я, пожалуй, поищу более квалифицированного адвоката, который не побоится рискнуть.

Беру папку и, гордо вскинув голову, поднимаюсь из кресла.

– Тогда я заранее предупрежу, что вы найдете шарлатана, который пообещает вам золотые горы, а по итогу оставит ни с чем. Не упрямитесь. Это в ваших интересах.

– О, не вам указывать, что в моих интересах, а что нет! Я предпочитаю бороться.

– Так поступают только глупцы. Есть разница между желанием идти на поводу у эмоций и благоразумием.

От его надменного, покровительственного тона меня начинает тошнить.

Сжав лямку сумки, становлюсь к нему вполоборота и произношу со всем своим достоинством:

– Возможно, но только трусы не рискуют!

– Будь по-вашему, но я предпочитаю мыслить рационально. Не смею задерживать, – он кивает на дверь и переключает все свое драгоценное внимание на экран ноутбука.

Вспыхнув, разворачиваюсь и устремляюсь к двери, а затем с оглушительным грохотом захлопываю ее.

– Итак, по десятибалльной шкале он красив настолько, что я бы забыла перепих с ним уже на следующее утро или согласилась на второй раунд?

– Можно подумать, ты кому-то даешь второй шанс, – бормочу я, пытаюсь зацепить лямку джинсового комбинезона за застёжку.

Холли равнодушно хмыкает и затягивается сигаретой.

После разговора с Майклом Дэниелсом я вернулась в магазин настолько взвинченная, что все валилось из рук. Я едва не перепутала удобрение со средством от паразитов и чуть не убила несколько цветов. Бриджит выставила меня из магазина, сказав, что моя плохая энергетика просачивается в нее, и ей становится тяжело дышать. Не знаю, насколько это было правдой, но в ту минуту я была склонна верить ей, потому что желание придушить проклятого адвоката преобладало над всеми остальными чувствами.

Отголоски здравомыслия подсказывали, что Майкл прав. У Уолша есть все основания разорвать с нами договор и остаться при этом чистым, словно новорожденный младенец, но гнев так затуманил разум, что я обратилась к еще пяти специалистам. В первых трех компаниях мне сказали, что я выиграю это дело, даже не раскрыв договор. Следующий пообещал уладить дело в досудебном порядке, только придется дать отступные, стоимость которых превышала нашу трехмесячную выручку. Ну а последний вообще забыл, зачем я к нему обратилась, и не переставая твердил, как ему повезло работать с Робертом Кардашьяном.

В этот момент моя злость на Майкла Дэниелса возросла до такой степени, что я ненавидела каждого, кто был хоть отдаленно похож на него.

По итогу, встретившись с Холли, мы отправились в гончарную, чтобы я выпустила пыл привычным способом, а заодно изготовила для магазина несколько глиняных горшков. Путем расспросов мы выяснили, что она спала с кем-то другим, но была бы не прочь познакомиться и с мистером «скверный характер».

– Эта дрянь убьет тебя. – Поджав губы, устраиваюсь напротив подруги и киваю на тлеющую сигарету.

– Какая разница, все окажемся на том свете. – Глубоко затянувшись, Холли стряхивает с сигареты пепел и кладет ее на керамическую тарелку. – Расслабься, Сэм. Ты не можешь ничего изменить. Вероятно, этот адвокат прав. Найдете с Бриджит что-то новое. Какая разница, где продавать цветы?

– Огромная, – отрезаю я.

Она лишь закатывает глаза.

В этом наше с Холли отличие. Ей на все плевать. На окружающих, собственную жизнь, принципы. Она борется только за выгоду. Иногда я завидую ей, потому что Холли живет одним днем и четко знает, чего хочет, я же чувствую себя потерянной на протяжении многих лет.

Поправляю фартук, а затем беру из таза, стоящего рядом, заранее приготовленный кусок глины. Положив его на гончарный круг, нажимаю ногой на педаль, и механизм оживает. Сморщив руку, провожу по глине, направляю ее, и она плавно скользит под моими ладонями.

Я стала заниматься гончарным делом в семь лет. Еще одна часть моей жизни, напрямую связанная с родителями. Бриджит постоянно повторяет, что я должна жить дальше и перестать цепляться за прошлое, но как человек, однажды потерявший самое дорогое в мире, я не могу поступить иначе.

Когда пальцы направляют глину, я вспоминаю, как мама делала точно так же. Отцентрировывала кусок, придавала ему мягкость. Добивалась нужной текстуры и формы. С ее губ нико-

гда не сходила улыбка. Она была бойкой и невероятно сильной, и если бы сегодня оказалась на моем месте, то заставила бы Майкла Дэниелса взяться за это дело.

Она бы направила нашу жизнь в нужном направлении.

– Сэм, ты меня слышишь? – голос Холли врывается в мои мысли.

– Прости, что ты говорила?

– Еженедельный ритуал унижения Холстоуна отменяется. Грант перенес генеральную репетицию, поэтому придется выжаться по полной, чтобы не потерять место.

Пусть Холли и Пит ведут себя как дальние родственники, которые ненавидят друг друга, это не мешает им находить общий язык, когда мы отправляемся в питомник для животных в качестве волонтеров.

– Ты в любом случае его не потеряешь, – хихикнув, бросаю на подругу веселый взгляд.

Холли профессиональная танцовщица. Она потрясающе двигается, но довольствуется второсортной труппой и сексом с руководителем, хотя могла бы достичь большего. После того, как подруга застала своего жениха в постели со своей сестрой, внутри нее будто шелкнул переключатель, и миру предстала иная версия Холли Брайт. Как-то раз она сильно перебрала и призналась, что, видимо, недостойна чего-то хорошего в этой жизни. Родителям было наплевать на Холли, а бывший жених находился рядом исключительно из-за ее семейного наследия.

Она решила разрушить свою жизнь до основания, и я надеюсь, у нее хватит сил вовремя остановиться.

– У каждого из нас свои способы зализывать раны. – Она вновь берет сигарету и глубоко затягивается.

Одно неловкое движение, и чаша, которую я вылепливала последние пятнадцать минут, становится бесформенным месивом. Убрав ногу с педали, останавливаю механизм.

Мама бы никогда не сдалась.

Глава 4. Майк

У меня не так много правил, которым я следую.

Никогда не опаздывать и не тратить попусту свое время. Согласитесь, жить намного проще, если пропускаешь всякое дерьмо вроде бессвязной и ничего не значащей болтовни собеседника. Давайте на чистоту, мое расписание забито до следующего Рождества. Меня мало интересуют подробности семейной драмы или фотографии вашего лабрадора с резиновой уткой в зубах.

Держаться в правовых и рабочих рамках. Я исключаю любую возможность сближения с клиентами и сразу даю понять, если не заинтересован в предложении. Следовательно, мы возвращаемся к первому пункту, из чего выходит следующее заключение.

Я высокомерный козел, которому плевать на весь мир. Так ли это? Нет. Есть люди, которые мне безразличны, но этот список ничтожно мал. Поэтому мне действительно глубоко плевать на мнение окружающих.

Но именно сейчас приходится наступить своим принципам на горло и, стиснув зубы, слушать, как мой босс, Филипп Уильямс, целых десять минут восхваляет свой удар на двести ярдов так, будто стал новым рекордсменом.

– Если бы не больное плечо, я бы обставил старика Флеминга, – самодовольно заявляет Филипп, растянувшись в кресле. Он достает из коробки сигару, отрезает кончик и поджигает ее.

Закурив, медленно выпускает струю дыма, явно наслаждаясь ароматом табака, приправленного специями и кедром. Когда он долетает до меня, приходится сделать вид, будто мне все равно, и я согласен умереть от рака легких в свои двадцать девять лет.

Дверь в конференц-зал распаивается, и внутрь влетает Коллин Эмерс с голливудской улыбкой, словно только что вышел от стоматолога.

– Филипп, слышал, ты сделал потрясающий удар, – приложив указательный и средний пальцы ко лбу, он салютует ему.

К обеду все пятьдесят штатов будут знать об этом.

Опускаю взгляд на наручные часы, мысленно прикидывая, сколько времени еще осталось наблюдать за этим фарсом. Я бы мог вернуться в кабинет и заняться делом миссис Фернандес, которую мне предстоит защищать в следующем месяце. На крайний случай я не против ответить на звонок своего младшего брата и выслушать, как он обнаружил остатки двухмесячного бургера, забытого на дне холодильника.

Все что угодно, только бы не видеть слащавую физиономию Коллина Эмерса. Моего главного конкурента. Врага. И в целом человека, хуже которого я не встречал.

– Уверен, когда мы подпишем договор о слиянии фирм и он передаст бразды правления своему сыну, нам не составит труда выкупить его долю, – заявляет Коллин, располагаясь в кресле напротив меня.

Я с такой силой сжимаю карандаш, что он начинает хрустеть.

– Дэниелс, рад видеть, – ухмыляется Эмерс. – Ты сегодня выиграл процесс.

– Польщен, что ты следишь за ходом дела. Да, счет фирмы пополнился на кругленькую сумму.

На губах Эмерса играет гаденькая улыбка, означающая, что он готов заключить сделку с дьяволом, лишь бы больше никогда меня не видеть. Ведь раньше я был мальчишкой на побегушках, который выполнял любое поручение, а сейчас нахожусь в шаге от партнерства, в отличие от него.

Наше соперничество тянется еще со времен Беркли. Когда я был тем, об кого обычно вытирают ноги, а Коллин – золотым мальчишкой с трастовым фондом и гувернанткой, убира-

ющей за ним дерьмо по любому случаю. Мы сцепились на самой первой лекции по гражданскому праву, и я проиграл. Но только потому, что профессор Макдональд, как и большинство окружающих, был готов на все, лишь бы сын знаменитого Эдварда Эмерса остался доволен. Это был мой первый и последний проигрыш. В тот день я проглотил обиду, которая разъедала мою грудь по ночам.

Я стал сильнее, хитрее, и сейчас мое имя не уступает по значимости Коллину Эмерсу.

– Мальчики, – хохотнув, Филипп хлопает ладонью по своему животу. – Давайте вы успокойтесь.

– Не вижу проблемы, – равнодушно отвечаю я, и карандаш в руке все же надламывается. Решаю вернуть разговор в рабочее русло. – Элайджа Флеминг не так прост, как кажется. Он стар и прагматичен, но его никак нельзя назвать недалевидным.

– Майк прав, пригласим на ужин. Окажем теплый прием, – Филипп бросает на Эмерса снисходительный взгляд. – Покажем, что мы хорошие ребята.

«Элайджа Флеминг ни за что не купится на это дерьмо», – хочется мне сказать. О противостоянии «Уильямс и Эймс» и «Флеминг и сыновья» не слышал только ленивый в сфере юриспруденции. Обе фирмы были основаны порядка двадцати лет назад и входят в тройку лидеров. Зачастую мы встречаемся в зале суда, и судебное заседание превращается в поле боя. Последние полгода начали ходить слухи, что Элайджа Флеминг хочет отойти от дел и передать бразды правления своему сыну Мартину. Филипп увидел в этом возможность потопить конкурента и захватить его акции, считая, что таким образом выйдет на первое место и утрет нос.

В конференц-зал входит Лесли с подносом в руках и ставит перед Колином кружку с кофе. Она наклоняется ниже, чем должна, и Эмерс пользуется этим, чтобы заглянуть в вырез ее блузки.

– Лесли может заняться этим, – предлагает Колин, отрываясь от созерцая груди помощницы. – Всего-то пара ужинов, партия в гольф, и вот мы уже подписываем договор о слиянии.

– Оуэн уже узнал все данные и связался с ними. Ужин с Флемингами запланирован на это воскресенье в «Провиденс», – перебиваю я, закрывая ежедневник.

Эмерс, разинув рот, смотрит на меня, в то время как Филипп начинает хлопать в ладоши.

Пока Коллин тешил свое самолюбие и стелился перед Филиппом, я со своим помощником подготовился к встрече. Это было трудно, но не тяжелее, чем терпеть его заносчивое поведение в зале заседаний.

– Браво, мальчики, ваше желание утереть друг другу нос выше похвал.

Меня раздражает, что он называет нас «мальчики». Будто мы чертовы подростки, застигнутые на месте преступления.

Я делаю Оуэну знак, что он может уходить, и тот, поспешно собрав документы, скрывается за дверью. Мы переглядываемся, прекрасно понимая, о чем именно должен пойти разговор.

– Что ж, теперь вернемся к главному вопросу, – Филипп опускает тлеющую сигару в пепельницу. – Вы оба выкладываетесь по полной.

– Да бросьте, давайте сразу к делу, – откидываюсь в кресле и расстегиваю пиджак.

– Хорошо, Майк, будь по-твоему. – Он указывает на меня пальцем. – Ты один из наших лучших юристов. Выигрываешь каждое дело, приносишь хорошие деньги и работаешь по шестьдесят часов в неделю. – Затем он смотрит на Эмерса, который уже не выглядит таким расслабленным. – Ты же предпочитаешь завершать все сделки в досудебном урегулировании и не напрягаться лишний раз.

– Не вижу в этом ничего плохого. Главное, что мы все еще остаемся в плюсе. – Эмерс закидывает руки за голову.

– Именно. Вы оба первоклассные юристы, но, кажется, забыли, зачем пришли работать сюда, – встревает Филипп. – Победа заключается не только в количестве выигранных дел и

досудебных урегулирований. К тому же, откровенно говоря, ты, Майк, в последние полгода как с цепи сорвался и порой ведешь себя как акула, почуявшая каплю крови. Пусть сынок Флемингов больше заботится о вечеринках, но не вы одни успели разнюхать информацию. Для них важны семейные ценности, – заканчивает он.

Моя ладонь сжимается в кулак так сильно, что от напряжения слабый укол боли расплывается по руке. Судя по виду Коллина, он понимает, что в этот раз шансы на победу на его стороне.

Именно семейные ценности станут для меня проигрышем.

– Если один из вас заключит эту сделку и сделает так, что Элайджа Флеминг поставит свою подпись в соглашении, то я не вижу проблемы для партнерства. Один из вас возглавит офис в Сан-Франциско. Но вы оба должны доказать, что достойны стать равными нам.

Стать равным.

Я наконец-то уберусь из Лос-Анджелеса и избавлюсь от любого напоминания о том, кем был.

Едва я переступаю порог переговорной, как меня окликают Эмерс и становится рядом все с той же мерзкой улыбкой.

– Ну что, Дэниелс, в этот раз не получилось повернуть свой излюбленный трюк?

– Ты имеешь в виду работу головой? Прости, это ведь так сложно для тебя. Не хотел обидеть.

Его лицо становится багровым. Тяжело быть на вторых ролях. Тем более оставаться позади того, кто был мальчиком на побегушках. Если я боролся за свое место, то Эмерсу все достается легко. Ему стоит только произнести свою фамилию, и все двери открыты.

Мне же приходилось выгрызать свое место под солнцем и доказывать, что стою намного больше. Что я не отброс общества, недостойный дышать одним воздухом с такими, как Эмерс.

И пусть это самая гнусная ложь.

– Как поживает Николь? Слышал, она нашла кого-то более успешного.

Только от одного имени во мне вспыхивает гнев и обжигающей волной проносится по венам. Пальцы снова сжимаются в кулак, и я уже представляю, как врежу самодовольному ублюдку по морде. Но эмоции никогда не были лучшим советчиком.

Не в моем случае.

Они слабость. Ошибка.

А я никогда не ошибаюсь. Больше никогда.

– Ты настолько пристально следишь за моей жизнью. Неужели боишься проиграть? – похлопываю его по плечу. – Советую привыкнуть к этому, потому что скоро я стану партнером, а ты так и останешься тем, кого не спасло фамильное наследство.

Перед тем как захлопнуть дверь в свой кабинет, я успеваю заметить его раздувшееся от гнева лицо.

– Чувак, он подаст на тебя в суд за ущемление личного достоинства, – хохочет Йен, отбивая ногами ритм по беговой дорожке.

– Ты, как всегда, очень красноречив, когда дело касается сравнений.

Не будь он моим братом, я бы никогда не хотел иметь ничего общего с таким человеком. Назойливым, с отвратительным чувством юмора и не думающим ни о чем, кроме секса.

Возможно, Йен бы тоже не захотел иметь со мной ничего общего, узнав правду.

– Кто-то должен отвечать за чувство юмора в нашей семье, – продолжает он болтать, и его дыхание даже не сбивается. Чертов качок.

– Премного благодарен, что ты взял на себя столь ответственную ношу, – ставлю штангу на место и тянусь к воде.

После нескольких жадных глотков я понимаю, что пожар в груди от разговора с Эмерсом все еще полыхает и вряд ли потухнет в ближайшее время. До конца дня я только и делал, что изучал историю Флемингов, хотя в этом не было необходимости, учитывая, что все и так отложилось в моей голове. Я должен выиграть это дело, несмотря ни на что, и совершить финальный рывок, чтобы моя карьера вышла на новый уровень.

Поверить не могу, что все может разрушиться только из-за того, что у Эмерса есть жена, с которой он спит так же часто, как и с доброй половиной Лос-Анджелеса.

– По выражению твоего лица смею предположить, что меня вызовут в суд для дачи показаний в твою защиту. – Йен прыгивает с дорожки и, схватив полотенце, протирает им взмокшее лицо.

– Закончил? – хмуро интересуюсь и киваю на боксерский ринг.

Мы забираемся туда и, надев перчатки, медленно кружим друг напротив друга. Вытянув руку, касаюсь перчатки брата.

– Ты скоро станешь партнером, расслабься. – Йен делает выпад, и я уклоняюсь.

– Именно. Эмерс может играть грязно и увести победу прямо у меня из-под носа.

– Тогда я буду ему благодарен, иначе ты скончаешься до того, как твое имя будет украшать здание в центре города.

Шагнув назад, делаю резкий выпад и впечатываю перчатку брату в бок, отчего он резко втягивает в себя воздух и сгибается пополам.

– А если ты будешь постоянно болтать, то никогда не сможешь сконцентрироваться на цели. – Я снова вскидываю руку, но на этот раз Йен блокирует удар и сразу же нападает на меня, ударяя в челюсть.

– Говоришь «сконцентрироваться на цели»? – усмехнувшись, он перепрыгивает с одной ноги на другую.

– Твой удар левой хромает.

– Это в тебе говорит обида за прошлое поражение? – придурок продолжает меня дразнить и толкает в плечо.

– Нет, это очевидный факт, так же, как и то, что ты ничего не замечаешь, – делаю ему подножку, и Йен с грохотом падает на спину. Простонав, он потирает голову и недовольно смотрит на меня. – Что и требовалось доказать. Всегда следи за движениями противника.

– Нам что, пять? И ты мой брат, идиот, – бормочет он.

Снимаю перчатку и подаю ему руку, но он резко хватается меня за запястье, а уже в следующую секунду я оказываюсь на полу и с дикой болью в голове.

Йен смеется и, закинув под голову руку, громко выдыхает. По пустому помещению спортзала гуляет сквозняк и приятно обдувает мокрое тело. В воздухе витает отвратительный запах пота, и стоит повернуть голову, как я замечаю брошенный в углу ринга грязный носок. Поразительно, этот зал до ужаса отвратителен, но именно тут я могу дать волю эмоциям и выпустить злость. За последние годы во мне ее скопилось так много.

– Хватит думать, – вдруг говорит Йен. – Seriously, чувак, прекрати. Надери зад слюняю и отправляйся куда-нибудь на Фиджи.

– Заманчивое предложение.

– Прости, я ляпнул, не подумав.

В мире еще около полумиллиона островов, а мой кретин-брат решил напомнить именно об этом.

– В этом между нами и разница, Йен. Вставай, ты мне должен спарринг.

Мы поднимаемся и еще некоторое время боксируем. Кажется, что каждая мышца горит от напряжения, но это именно то, что мне сейчас нужно. Я заранее подготовился к делу Флеминга и рассчитывал, что партнерство у меня в кармане, учитывая, что работаю на износ последние два года и приношу больше дохода, чем все остальные юристы «Уильямс и Эймс».

Я просчитал все возможные варианты, но промахнулся там, где ошибки быть не должно.

Йен гоняет меня по всему рингу, и когда сил уже не остается, едва не падая с ног, мы решаем отправиться по домам. На завтра у меня назначены встречи с самого утра, и, если дать брату волю, он сделает из меня отбивную.

– Слушай, я тут подумал, что, если нам заглянуть в клуб? – вдруг выдает он, прикрепляя сумку к багажнику своего байка. – Знаю, предложение довольно глупое. Ты катастрофически занят перечитыванием всех своих справочников, но неплохо было бы и развеяться.

– У меня на лице написано, что мне требуется нянька?

– Да брось, после разрыва с Ник ты сам не свой. Если раньше ты был просто хмурым, то сейчас напоминаешь худшую версию себя. Стерва тебя бросила, выбрала карьеру.

Я рассчитывал, по моему многозначительному взгляду будет все понятно, но когда речь идет о моем брате, на эмпатию можно не надеяться.

– Давай, Майк, вспомним студенческие годы. Как зависали до утра.

– Насколько я помню, ты не учился в колледже, и мы никогда не ходили по клубам.

– Значит, пора это исправить! – Он вскидывает руку вверх, как обычно делают, когда пытаются поднять командный дух.

– Не вижу смысла пить пиво среди толпы людей, не имеющих возможности связать и пары слов. Для этого мне вполне хватает общения с Эмерсом. А теперь извини, но я бы хотел поехать домой.

Йен закатывает глаза и наконец-то отходит от моей машины.

– Кстати, насчет того дела с партнерством. Что, если тебе завести фальшивые отношения? Ты же сказал, что этот старикан фанат семейных ценностей. Закрути с какой-нибудь красоткой, переспи с ней пару раз для правдоподобности, а когда твое имя будет вписано в историю, вернешься к прежней скучной жизни.

– Крайне заманчиво, но я не собираюсь обманом выбивать себе место.

– Между обманом и хитростью есть огромная разница. – Он надевает шлем и приподнимает визор. – Подумай об этом, когда Эмерс займет твой кабинет и в очередной раз отправится играть в гольф с Филиппом.

Похлопав меня по плечу, Йен садится на байк и, посигналив, уезжает. Я же, задрав голову к небу, делаю медленный вдох.

Еще семь месяцев назад я бы без проблем стал партнером, теперь же надо выкручиваться, чтобы не лишиться всего.

Эмоции. От них все проблемы.

Двери лифта открываются, и я выхожу в коридор. Освещение работает с перебоями, и лампочки постоянно мерцают. Поразительно, я каждый месяц вношу немалые деньги в фонд дома, но управляющий никак не может отрегулировать такие элементарные вещи. Кажется, нам снова придется вернуться к разговору о правах и обязанностях.

Я должен был давно съехать отсюда и купить квартиру, соответствующую моему статусу, как делают это все люди из моего окружения. Но я поселился в этом доме, как только получил свой первый аванс после крупной сделкой. Для меня это напоминание – несмотря ни на что, я могу добиться всего. Надо лишь придерживаться плана.

Заворачиваю за угол, раздается резкий хлопок, а затем перед глазами все меркнет.

– Какого черта?

Выставив руку вперед, медленно пробираюсь вдоль коридора, держась за стену. Может, мне прямо сейчас наведаться к мистеру Сандерсу и выставить его ленивую задницу на улицу?

Делаю еще пару шагов, а затем наступаю на что-то мягкое, и тишина сменяется истошным криком. Секунда, и голову пронзает дикая боль от удара, от чего из глаз чуть искры не сыплются.

– Я буду кричать! – оглушительный женский визг делает только хуже.

– Ты уже и так кричишь! – рявкаю я.

Что не так с этим днем?

Сжимаю пальцами переносицу и чувствую, как по губам начинает стекать кровь. Матерь божья! Это что еще за дерьмо?!

– Советую держать руки при себе, мистер, иначе я за себя не ручаюсь! – продолжает орать сумасшедшая. – Я отделаю тебя так, что родная мать не узнает!

– Может, для начала ты выключишь свой проклятый ультразвук?

Голова разрывается от боли, а вопль этой фурии делает ее невыносимой.

Зажмуриваюсь и откидываю голову назад, чтобы унять кровотечение. Раздается очередной хлопок, а затем появляется свет. Передо мной предстает картина, из-за которой мне кажется, что я получил сотрясение мозга.

Первое, что я вижу – ярко-рыжие, словно лава, волосы, собранные в высокий пучок и перехваченные желтой повязкой в горошек. Второе – гневный взгляд зеленых глаз. Он пронзает меня так, будто это я обидел ее чем-то, а не она секундой ранее едва не сломала мне нос. Лицо девушки покрыто какой-то зеленой слизью, источающей ужасный аромат.

Она кажется мне подозрительно знакомой, но я бы определенно запомнил, если бы в нашем доме жила ненормальная, бросающаяся на людей.

– Ты псих чокнутый! Еще раз ты... – Она гневно тычет указательным пальцем мне в грудь, но замирает, когда осознание произошедшего доходит до нас обоих в равной степени.

Мисс Хейз, насколько я помню, а я никогда не страдал провалами в памяти, хотя тут не отказался бы забыть эту ужасную женщину. Ее зеленые глаза смотрят на меня сначала с ужасом, а затем в них появляется отвращение, будто перед ней стоит мешок с мусором, который уже начал разлагаться.

– Какого черта вы тут делаете? Преследуете меня?

– Я? Что за чрезмерное самомнение, мистер Дэниелс? – Мое имя звучит как ругательство.

– Оно не давит на вас?

Ее взгляд опускается на мою промокшую от пота майку и спортивные брюки. Носик нахалки недовольно хмурится, и она поджимает губы. Вязкая слизь стекает по ее щеке и грязной кляксой падает на грудь, но ее это ни капли не волнует.

– Химчистка в здании напротив. – Сложив руки на груди, она упрямо смотрит на меня.

– И прекратите пялиться на мою грудь!

– Мне плевать на вашу грудь.

Ее рот на мгновение приоткрывается, а потом резко захлопывается.

– Могу я пройти?

– Куда?

Сжав переносицу пальцами, тяжело вздыхаю. Еще немного, и я просто сорвусь.

– К себе домой.

– Домой? – Ее глаза от ужаса расширяются.

Она полоумная? Почему мне приходится повторять очевидные вещи?

– Именно. – Вытаскиваю из кармана ключи и трясу перед ее любопытным носом. – А теперь все же, если вас не затруднит, я бы закончил нашу высокоинтеллектуальную дискуссию и перечисление очевидных фактов и отправился к себе.

Искренне надеюсь, что она не живет в одной из здешних квартир и просто пришла к своему другу.

Я собираюсь ее обойти и как можно скорее оказаться дома, чтобы принять душ, приложить к носу что-нибудь холодное и выпить порцию виски. Но мисс Хейз вдруг издает такой страдальческий стон, что можно подумать, будто я убил ее котенка или виновен во всемирном голоде.

– Вы просто маньяк! – вопит она, опускается на колени и подбирает с пола пару хот-догов. Точнее, то, что от них осталось, ведь я растоптал их, и теперь горчица вперемешку с кетчупом покрывает мои кроссовки.

– Я? Вы только что чуть не сломали мне нос! – указываю на серую футболку, запачканную каплями крови.

– Это всего лишь нос! – рявкает она.

Да ради всего святого!

– Саманта? – Светловолосый парень из квартиры напротив выходит в тот самый момент, когда с ее губ готова сорваться очередная порция проклятий. А она хочет сказать именно их, судя по тому, как полыхают ее глаза и раздуваются ноздри. – Все нормально?

Пока они обмениваются любезностями, я быстро обхожу парочку и перед тем, как закрыть дверь квартиры, успеваю заметить Саманту. Она тоже меня видит. Мило улыбаясь своему парню, показывает мне средний палец, а затем, рассмеявшись, заходит к нему.

Хочется верить, что я больше никогда ее не увижу.

Глава 5. Сэм

– Ждем вас снова. – Улыбнувшись, протягиваю крафтовый пакет миссис Фишер. – Все рекомендации по уходу я положила внутрь. Если возникнут какие-то проблемы, вы знаете, где меня найти.

– Спасибо, Сэм. – Она кидает в железную банку для пожертвований десятидолларовую купюру и ободряюще сжимает мою ладонь. – Мне очень жаль, что вы закрываетесь, но я стану первым клиентом, когда двери вашего нового магазина вновь будут открыты.

– Это очень много значит для нас, – с благодарностью улыбаюсь, хотя на душе чертовски плохо.

Миссис Фишер уходит, и стоит взгляду наткнуться на гору коробок, расположенных в центре зала, как моя улыбка меркнет так же быстро, как настроение Холли при разговоре о любви.

Бриджит сказала, что мы съезжаем. Если дословно: «Я не собираюсь прогибаться перед этим... (тут мои знания ирландского могут хромать, но уверена, это было что-то грубое), Сэми, это новая глава в нашей жизни!» Я в корне с ней не согласна, но скорее ад перевернется, нежели Бриджит Хейз пойдет на попятную.

Сделав плоток кофе, отряхиваю руки и начинаю аккуратно оборачивать глиняные горшки бумагой, чтобы ничего не разбилось. Сегодня мне необходимо упаковать большую часть товаров и отправить на склад. Пока я не найду новое помещение, все будет пылиться и ждать своего часа. Правда, что делать с растениями, не имею никакого понятия. В квартире они не поместятся, да и большая их часть может погибнуть из-за отсутствия необходимого температурного режима.

Проклятый Бернارد Уолш! Он теперь избегает меня, а вызов все время перенаправляется на голосовую почту. Будь моя воля, я бы прижала его трусливую задницу к стене и врезала так же, как Монике Пристли в шесть лет.

– Сэм, есть что забирать? – тихо интересуется Пит, переступая порог магазина.

– Еще нет, но я буду благодарна, если ты сможешь упаковать вот эти саше и некоторые сухоцветы.

– Без проблем. – Он берет небольшую коробку и, с присущей ему аккуратностью, принимается оборачивать все в бумагу. – Холли не придет?

– Даю руку на отсечение, что она все еще в постели.

– Ее привычное место. Поразительно, что она способна выходить из дома.

Вчера Холли клятвенно заверяла, что поможет нам с утра подготовиться к переезду, но, судя по сообщению в два часа ночи, что она готова пойти на крайние меры и поджечь машину Уолша, наверняка еще находится в отключке после бурной ночи.

Брайт – отличная подруга, но она никогда не вылезет из постели ради кого-то. Если это, конечно, не сексуальный мужчина.

– Видела варианты, которые я тебе скинул сегодня утром? – Пит закрывает коробку и заклеивает ее скотчем.

– Да, но, когда я позвонила, они уже были заняты. – Поджав губы, вытягиваю ноги и облокачиваюсь на стену. – Да и арендная плата нам не по карману.

– Я могу поговорить со знакомым риэлтором. Мало ли, вдруг найдет приемлемые варианты. Вообще он занимается домами, но у него передо мной должок.

– Я говорила, что ты святой? – улыбнувшись, смотрю на него.

– Да, но можешь повторить. Не вешай нос, Сэм, мы что-нибудь придумаем. – Ободряюще подмигнув мне, Пит берет коробку и выходит на улицу, чтобы поставить ее в пикап.

Пока он переносит вещи, я обслуживаю нескольких клиентов. Стараюсь улыбаться, но меня все еще не покидает ощущение потери. С каждой отнесенной коробкой оно становится все более осязаемым.

– Ну, как у вас тут дела? – спрашивает Бриджит, выходя из подсобки. Поправив волосы, она приваливается к прилавку и совершенно спокойным взглядом смотрит на опустевший зал.

У меня в голове не укладывается, как бабуля может быть настолько равнодушной?

– Замечательно, – вздыхаю я. – К концу недели все перевезем.

– Побольше оптимизма, Сэми, – она пихает меня локтем в бок.

Закатив глаза, отряхиваю руки и отхожу от нее.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду выпью кофе. Не хочу принимать во всем этом участие. – Снимаю рабочий фартук и кладу на прилавок.

– Ну раз так, тогда купи мне тот противный зеленый коктейль, который я пробовала в прошлый раз.

– Смужи, он называется смужи, – смеюсь я. Потрясающе, она знает, что такое зумба, но не может запомнить название обычного коктейля.

– Да не важно, – отмахивается бабуля. – Купи мне эту дрянь да побыстрее.

Хихикнув, выхожу на улицу.

– Я иду в кофейню за углом. Предпочитаешь составить мне компанию или остаться с Бриджит и слушать, какая у тебя клевая задница? – киваю на магазин, где бабуля как раз машет Питу.

– Кофеин мне не помешает. – Вздвогнув от вида Бриджит, он хватается за руку и уводит подальше от безумной старушки.

Кто бы сомневался.

– Да ладно тебе, Холстоун, просто закажи себе кофе! – не выдержав, вскидываю руки.

Но Пит с серьезным видом продолжает изучать заламинированный лист меню.

– Ты не понимаешь, если превысить дневную норму кофеина, это скажется на твоём организме. Кофеиновая зависимость, ранняя смерть, бессонница. Недавно я читал статью в Medical News Today и...

– Твоя смерть наступит гораздо быстрее, если ты не сделаешь чертов выбор! – киваю на милую девушку бариста, которая уже целых десять минут ждет, пока Пит определится.

Он рассеянно почесывает затылок и выдает ей извиняющуюся улыбку, она же в ответ надувает пузырь из жвачки и лопаёт перед нашими лицами.

– Он будет это. – Тыкаю пальцем в меню и попадаю на вишневый раф, а затем хватаю Пита за руку и отвожу в сторону. – В мире столько всего интересного, зачем анализировать? В худшем случае потратишь восемь долларов на непонравившийся тебе напиток.

Мы устраиваемся за столиком, и Пит переключает внимание на свой телефон, издающий тошнотворный звук. Он барабанит пальцами по экрану смартфона и, когда приходит ответное сообщение, едва не сияет, как рождественская елка.

– Бога ради, ты прямо сейчас с кем-то флиртуешь? – Выхватываю телефон из его рук и, перед тем как он забирает его обратно, успеваю увидеть ник собеседницы «Милашка 2002». – Seriously? Ты только забрал свой Мустанг из автомастерской. Неужели опять хочешь собирать его по частям?

– А с чего ты взяла, что ситуация повторится?

– Разве есть разница между «Милашкой 2002» и «Вишенкой 1999»?

Казалось бы, ответ очевиден, но только не для Пита. К нам подходит официантка, ставит заказ и на несколько мгновений задерживает пальцы на стаканчике с напитком друга. Я пинаю его ногой под столом, и он резко подпрыгивает на месте.

– Ты с ума сошла? Это же новые кроссовки от Tom Ford!

– А это девушка, у которой явно нет в планах обчистить тебя до нитки! – Снова пинаю его по ноге, когда официантка уходит, так и не дождавшись внимания Пита. – Не понимаю, почему бы не пригласить, например, Ники, – указываю я на бейджик на груди бариста. – Что не так с девушками в реальной жизни?

Пит оборачивается и внимательно смотрит на нее.

– Не знаю, Сэм, – пожимает он плечами и вновь смотрит на меня. – В знакомствах через сайт есть что-то загадочное. Мне нравится приходить в назначенное время и по некоторым деталям угадывать спутницу.

– Ты ненормальный. Seriously, вам с Холли пора записаться в какой-нибудь анонимный клуб. – Помешиваю пластмассовой ложечкой кофе, а затем подношу ее к губам и облизываю пенку.

– Наверняка к концу сеанса она с кем-нибудь переспит, – усмехается Пит.

Он легонько поворачивает голову и с интересом посматривает на девушку, которая еще пару минут назад была готова дать ему свой номер, а сейчас уже флиртует с другим парнем.

Телефон Пита вновь издает сигнал, но я не успеваю возмутиться, так как он встает со своего места:

– У мистера Уилфреда приступ. Мне нужно в клинику.

– У кого, прости?

– Помнишь, я рассказывал тебе про шпица, который покусал меня? Его зовут мистер Уилфред.

– С таким именем у меня бы тоже случился приступ, – хихикаю я.

Пит усмехается, берет стаканчик с кофе.

– Ты не против, если я завезу вещи на склад после клиники?

– Абсолютно. И я передам Бриджит твои искренние извинения.

Хохотнув, Пит быстро целует меня в щеку и выбегает из кафе. Я же забираю напитки и направляюсь обратно в магазин. Прикончив капучино, делаю пару глотков смузи Бриджит. На вкус он настолько отвратительный, будто мне в рот вылили порцию компоста.

Разворачиваюсь, чтобы выбросить ужасный напиток в мусорку, но отвлекаюсь на телефон. А затем происходит что-то странное: зеленый смузи летит на меня, а я, в свою очередь, падаю на асфальт и больно бьюсь задницей. Грудь и живот покрыты зеленой субстанцией, и теперь я чувствую себя так, будто побывала в помойке.

Что, черт возьми, произошло, и в какую скалу я влетела?!

Поднимаю голову, чтобы посмотреть в глаза мерзавцу, которому вручу чек за химчистку, но слова застревают в горле.

Святое дерьмо!

Свирепый взгляд прожигает в моем лбу дыру, будто это я налетела на него, а не наоборот.

– Мисс Хейз, – сквозь стиснутые зубы Майкла Дэниелса мое имя звучит как проклятье.

– Мистер Дэниелс, – отвечаю я тем же тоном и пытаюсь подняться. Опершись на руку, морщусь от ноющей боли, расплзающейся по предплечью. – Какой приятный сюрприз. У вас вошло в привычку сбивать меня с ног.

– Возможно, вам стоит уделять больше внимания окружающим, а не своему телефону, – рывкает он.

– Если это касается вас, то, пожалуй, отклоню столь любезное предложение, – улыбаюсь далеко не самой миролюбивой улыбкой. Скорее «пошел-ты-в-задницу-идиот!»

– Я даже не сомневался в этом. – Фыркнув, он опускает взгляд на свою белую рубашку, по которой расплзается зеленое пятно, и так глубоко вздыхает, что вокруг становится меньше кислорода.

На мгновение на меня накатывает чувство вины за его испорченную одежду, но оно проходит так же быстро, как Холли выставляет за дверь свое очередное развлечение.

Если бы он согласился мне помочь, то я бы сейчас не собирала коробки и уж точно не разлила бы смузи на его рубашку.

Думаю, вполне очевидно, кто на самом деле виноват.

– Поверить не могу, что снова встретился с вами! – Майкл отряхивает рубашку и пиджак, но делает только хуже. Зеленое пятно все больше въедается в белоснежную ткань.

– Уж лучше бы вам поверить, потому что это взаимно! – скрестив руки на груди, проживаю нахала взглядом. – Вы преследуете меня? – возвращаю ему вчерашний упрек.

Кто в здравом уме будет преследовать мистера «я хмрюсь двадцать четыре часа в сутки»?

Все еще не могу понять, как мы могли оказаться соседями. Я быстрее поверила бы, что Санта-Клаус решил организовать в нашем доме филиал Северного полюса, нежели в то, что мой сосед – Майк.

Вздернув подбородок, расправляю плечи и с улыбкой смотрю на него, чем привожу в бешенство. Глаза Майка темнеют, и теперь даже не видно радужку, а его лицо до того напряжено, что больше напоминает застывшую статую.

– Вам все-таки не помешает химчистка, – окидываю его взглядом с головы до ног.

Надо признать, что даже несмотря на изъяс со смузи, он все же выглядит довольно привлекательно. Черный костюм подчеркивает широкие плечи. А еще вчера я заметила, что он неплохо сложен, так как под обтягивающей майкой был заметен каждый кубик на прессе и очерчена каждая мышца. И если вчера вечером в его облике было что-то такое бунтарское: растрепанные, влажные от пота волосы, легкая щетина, покрывающая лицо, то сегодня Майк выглядит так, будто намерен без какого-либо усилия разрушить чью-то жизнь.

Возможно, мою.

– Как и вам, – парирует он, брезгливо смотря на яркий топ цвета изумруда.

Я уже хочу открыть рот и сказать очередную дерзость, но нас прерывает мужской голос.

– Дэниелс, долго тебя еще ждать? Филипп уже весь извелся.

К нам подходит блондин в точно таком же костюме, как и у Майка. Он окидывает меня заинтересованным взглядом и почему-то кажется смутно знакомым.

– Не знал, что теперь в твои обязанности входит следить за каждым моим шагом, – цедит Майк сквозь зубы.

Святой боже, он кидается на всех людей?

Незнакомец совершенно не обращает внимания на его праведный гнев и протягивает мне руку.

– Коллин Эмерс к вашим услугам. – Он поигрывает бровями, а я вспоминаю, откуда его знаю.

Мистер «я-бы-с-тобой-переспал», который бесстыдно смотрел на мою задницу на глазах у своей жены.

Я не пожимаю руку в ответ и лишь изгибаю бровь. Видимо, поняв мой настрой, он проводит ладонью по волосам, а затем вновь улыбается.

– Дэниелс, опять кидаешься на людей? И что с твоим костюмом? Простите, если он вас обидел. Знаете ли, в последнее время у него небольшие проблемы с контролем гнева. Так тебе не добиться партнерства, – как-то уж слишком торжествующе произносит Коллин.

Мне сейчас показалось, или я услышала хруст? Опустив взгляд, замечаю, как Майк сжимает свою ладонь в кулак с такой силой, что набухли вены.

Не знаю, что здесь происходит, но я не намерена принимать в этом участие. Меня ждет Бриджит, гора коробок и униженное чувство собственного достоинства.

Однако я едва успеваю развернуться, как внезапно оказываюсь прижата к груди Дэниелса. Его стальная хватка на моем плече причиняет легкую боль, и я хочу возмутиться, но его пальцы лишь сильнее сжимаются.

– Во-первых, сотри слезавую ухмылку со своего лица, Эмерс. Еще раз посмотришь так на мою девушку, и тебе придется воспользоваться медицинской страховкой. А во-вторых, не строй из себя идиота. Филипп настолько витает в облаках после встречи с Флемингами, что ему глубоко плевать, где я сейчас нахожусь.

Мне послышалось?

– Твоя девушка?

– Твоя девушка?

Одновременно ошарашенно переспрашиваем мы с Коллином.

Что это вообще значит? Какая, к черту, девушка, и что он вообще себе позволяет?

Майк опускает взгляд на меня, и на его лице появляется что-то похожее на эмоции: уголки губ немного приподнимаются и изгибаются в подобии улыбки, но это больше похоже на оскал. Он наклоняется, и когда я уже думаю, что он собирается поцеловать меня – вообще, с чего бы ему это делать, но мой больной мозг пустился во все тяжкие – Майк едва уловимо прижимается губами к моему уху и шепчет:

– Подыграй мне.

Я ничего не понимаю.

– С каких пор у тебя есть девушка? – скептически интересуется Коллин.

Да, Майк, с каких пор я стала твоей девушкой, а не той, от кого ты хочешь держаться подальше?

– Не знал, что должен посвящать тебя в подробности моей личной жизни.

– И как же ее зовут?

– Саманта, и это последний вопрос, на который ты получил ответ. А теперь будь так добр, отдай это Филиппу и проваливай отсюда, пока я насильно не запихнул тебя в машину.

Он открывает свой кожаный портфель, достает оттуда папку с бумагами и с такой силой впечатывает в грудь Коллина, что тот пятится и едва не падает в лужу смузи.

Возможно, у моего фальшивого парня – с этим мы, конечно, позже разберемся – и правда проблемы с контролем гнева.

Коллин улыбается, но это далеко не приветливая улыбка. Скорее она означает, что он знает правду, и она скоро всплывет наружу.

– Хорошо, встретимся завтра в офисе, – ухмыляется Эмерс. – И кстати, раз уж на то пошло, то приводи Саманту на следующий ужин с Флемингами. Им с Кортни будет о чем поговорить.

Определенно. Надо будет поинтересоваться, нашла ли она вакцину от сибирской язвы.

– Ты сам уйдешь, или тебе все же помочь? – убийственно спокойным голосом интересуется Майк, опять сжимая мое плечо.

Коллин вскидывает руки, показывая, что отступает, и уходит в сторону черного «Мерседеса», припаркованного в конце улицы. Как только машина отъезжает, я освобождаюсь из объятий этого сумасшедшего и гневно тычу пальцем ему в грудь.

– Больше никогда не смей так делать! – прожигаю его взглядом.

Майкл сжимает переносицу пальцами и в очередной раз тяжело вздыхает. У меня складывается ощущение, что у него какие-то проблемы с людьми. Будто в целом существование всего человеческого рода его жутко раздражает.

– С каких пор я твоя девушка? И что это вообще за цирк ты тут устроил?

– Закончила? – Он окидывает меня равнодушным взглядом.

О нет, я только начала!

– Можешь даже не отвечать на этот вопрос. Он был риторическим. – Он опять не дает мне даже слова сказать. – Давай зайдем в кофейню и спокойно поговорим.

Не дожидаясь ответа, Майк проходит мимо, и до моего носа долетает терпкий аромат его одеколона. Он мне даже кажется смутно знакомым, но наверняка это все из-за падения. Я не

сдвигаюсь с места. Видимо, Майк привык, что все выполняют его указания и скачут на задних лапках. Но, сюрприз-сюрприз, я не собираюсь этого делать.

Заметив, что я не иду рядом, он оборачивается и все с тем же непроницаемым выражением лица смотрит на меня.

– Если ты сейчас пойдешь со мной, я посмотрю, что можно сделать с твоим договором.

– Ты же сказал, что бороться глупо? – Складываю руки на груди и притопываю ногой. Определенно очень взрослое поведение, но мне нравится бесить Дэниелса.

– Раз уж у меня появилась девушка, то стоит попытаться. – Майк приоткрывает дверь и ждет, пока я приму решение.

Сцепив зубы, делаю глубокий вдох. Мама всегда говорила, чтобы я не соглашалась ни на какие условия, но если поступиться правилами означает, что мы сможем оставить магазин себе, то я согласна дать небольшую слабость.

В конце концов, я просто выслушаю его.

Глава 6. Майк

– Это безумие, – произносит Саманта, после того как я заканчиваю рассказывать ей всю суть моего предложения. – Ты просто псих!

Можно подумать, я считаю иначе.

Первую половину дня мы провели с Мартином и Элайджей Флемингами. Они прекрасно понимали, для чего была эта встреча, и все же Филипп пустился в бессмысленную болтовню о семейных ценностях. Что было довольно странно слышать от мужчины, который вечно путал имена четырех бывших жен.

Не приносил пользы и Эмерс, отпускающий плоские шуточки и делившийся рассказами о последней сыгранной партии в гольф. Если он рассчитывал, что мистера Флеминга поразит его удар на сто пятьдесят метров, то глубоко ошибался. Салат в его тарелке был куда более выразителен, чем болтовня Эмерса.

Я бы предпочел встретиться с ними наедине и в краткой форме рассказать, в чем мы хороши и в чем нет. Не вижу смысла выдумывать непонятные сказки, если по итогу все равно вскроется правда. К тому же правда всегда была выигрышным вариантом.

Уж мне ли не знать этого.

Но вместо того, чтобы заключить деловое соглашение, нам предстоит уикенд с семейством Флеминг.

Филиппу это не понравилось. Весь обратный путь до офиса он пил виски, отчитывал водителя за каждую кочку, а затем ему и вовсе приспичило посмотреть документы по делу, которое мне предстоит выиграть.

И да, я говорю выиграть, потому что намерен сделать именно это.

Теперь же, вместо работы над важным делом, я сижу напротив женщины, которая не вызывает у меня никаких эмоций, кроме раздражения, и предлагаю ей стать моей фиктивной девушкой, так как чертов Эмерс сует свой любопытный нос куда не следует.

– Впервые за наше короткое знакомство я с тобой согласен. Но мы оба останемся в выигрыше, если сделаем все по правилам.

Она фыркает и отодвигает от себя кружку с нетронутым кофе.

– Сомневаюсь. Насколько я помню, вы, мистер Дэниелс, сказали, что с договором ничего нельзя сделать, и назвали меня глупой? – язвительно замечает она.

Это будет тяжелее, чем я думал.

– Вот! Это то, о чем я и говорю! – усмехается она, всплеснув руками. – Ты без раздражения не можешь посмотреть на меня. Никто не поверит в то, что мы вместе.

– Это уж точно. – Покручивая между пальцами пластмассовую ложечку, смотрю на ее топ ужасного зеленого цвета с пятном от смузи прямо на груди.

Эта женщина носит самую безвкусную и парадоксально кошмарную одежду. Каждый раз, когда мы встречаемся, на ней что-то вязанное, и оно настолько кричащее, что хочется закрыть глаза и больше никогда их не открывать. Если вспомнить, как одевалась Николь, то никто в пределах Солнечной системы не поверит, что я могу встречаться с Самантой Хейз.

Она полная противоположность моему привычному вкусу: никакой элегантности, такта и грации. Она скорее похожа на пожар, вспыхнувший во время засухи и грозящий уничтожить все вокруг.

Хотя Николь сделала то же самое.

Сжимаю ложечку, и под моим натиском она разламывается пополам.

– Вот видишь, ничего не получится. Мы смотреть друг на друга не можем. – Она морщит свой носик, усыпанный веснушками.

– При должном подходе и применении нужной информации мы вполне можем выиграть.

– Господи, я еще никогда не встречала настолько занудного человека. Ты слышишь себя со стороны? Должный подход? Применение информации? Ты робот или человек? – Она громко фыркает, и на нас оборачиваются несколько посетителей кофейни. Саманта запускает пальцы в волосы и на короткое мгновение становится похожа на фурию.

– Я предпочитаю опираться на факты и знания.

– Вот тебе факт. Ты самый безэмоциональный, до ужаса скучный и напыщенный мужчина, которого мне приходилось встречать. Если ты будешь смотреть на меня так при ком-то из своих руководителей, то можешь попрощаться с партнерством. Но даже не в этом самая огромная проблема. Как я могу встречаться с таким, как ты? – Она скептически изгибает бровь.

– Значит, ты отказываешься? – Беру стаканчик с кофе и делаю медленный глоток, наслаждаясь терпкостью напитка.

Прищурившись, она сосредоточенно смотрит на меня, будто просчитывает свой дальнейший ход.

Я сказал, что ничего нельзя сделать. Стандартный договор аренды помещения, который владелец может разорвать без особых проблем и остаться в плюсе. Давайте на чистоту, каждый второй бизнесмен так и делает. Однако, если захотеть, то можно найти лазейку. Назовите меня эгоистичным засранцем, что я не согласился на это в прошлый раз, но сейчас мы оба нужны друг другу, как бы удручающе это ни звучало.

Саманта складывает руки на груди.

– Мне нужны гарантии.

– Диплом Беркли подойдет?

Какое подтверждение ей нужно? Я никогда не проигрываю.

– Ты просто невыносим, – раздраженно фыркает она. – Что от меня требуется?

– Несколько деловых ужинов, прием, посещение благотворительного вечера, организованного фирмой. Никаких свиданий, признаний в любви и прочего неуместного контакта. И будь так добра, веди себя менее вызывающе.

– Может, в таком случае тебе лучше взять с собой манекен? Хотя сомневаюсь, что даже бездушная кукла выдержит твой скотский характер. Хочешь, чтобы я была твоей *девушкой*, начни проявлять уважение или, клянусь богом, ты пожалеешь, что связался со мной, Дэниелс, – с очаровательной улыбкой произносит она и легким движением руки откидывает за спину волосы.

Я уже жалею об этом. Приходится прикусить язык, чтобы очередная правда не вылетела раньше времени.

Достаю из портфеля блокнот и пишу в нем свой номер телефона и электронную почту.

– Скинь мне свои данные. Что любишь, на что аллергия. Какие цветы предпочитаешь? Я не хочу проколоться на какой-нибудь мелочи. – Протягиваю ей листок.

– Все еще поражаюсь, как я могла не замечать такого грубияна, как ты. – Она запикивает листок в свою сумку, даже не взглянув на него. – Мне всегда казалось, что в этой квартире живет брюнетка с очаровательным чувством юмора. Кстати, кто она? Раз уж мы должны знать все друг о друге.

– Это тебя не касается, – отрезаю я и подзываю официантку, чтобы она рассчитала нас. У меня нет ни малейшего желания тратить еще хотя бы минуту на эту девушку. – Напиши свой электронный адрес.

– Я, конечно, не особо стремлюсь к общению с тобой, но почему не воспользоваться старым добрым методом и просто поговорить? К тому же мы, оказывается, соседи. – Она невинно хлопает ресницами.

Не знай я, какие с ее губ могут срываться проклятья, то наверняка подумал бы, что она милая.

Пододвигаю блокнот, и Саманта нехотя пишет свой электронный адрес.

– Я отправлю тебе свои данные. Будь так добра изучить их.

Она никак не реагирует на мои слова, лишь со скучающим видом постукивает пальцами по подбородку. Йен был прав, мне надо было найти профессионалку, а не связываться с той, которая предпочитает выглядеть как хиппи, проснувшаяся после длительной комы.

Когда я уже намерен убраться подальше от этой невыносимой девушки, вспоминаю один немаловажный факт.

– Что насчет твоего парня?

– Вау, вот видишь, уже интересуешься моей личной жизнью.

Меня больше интересует жизнь на другой планете, чем что-то связанное с Самантой Хейз. Но мне нужны гарантии, что не возникнет непредвиденных обстоятельств.

– Единственное, что меня волнует – выполнение условий нашего договора.

И желательно как можно быстрее.

Саманта, прищурившись, смотрит на меня, затем делает медленный глоток кофе, явно желая потянуть время. Скорее всего, мне придется освоить гребаную дыхательную гимнастику, о которой так много говорит моя младшая сестра. Иначе в ближайшем будущем мое терпение лопнет.

– Успокойся, Дэниелс, еще немного, и у тебя случится разрыв аневризмы. У меня нет парня. А в тот раз ты видел Пита, моего друга.

Прекрасно. Одной проблемой меньше.

– Итак, как скрепим сделку? Надо что-то подписать кровью? – Саманта заинтересованно смотрит на мой портфель, будто там и правда находится договор с дьяволом.

– Хватит обычного рукопожатия, но, учитывая, что я и так уделил тебе больше запланированного времени, можем спокойно разойтись.

– Что с договором? – Ее зеленые глаза впиваются в мое лицо, будто когти.

– Занеси сегодня вечером. Я буду после восьми.

– Как любезно с твоей стороны. Но я не твоя полуобморочная секретарша, готовая носиться за твоей высокомерной персоной в попытке урвать толику внимания. Так что, как освободишься, сам зайди ко мне. К тому же тебе по пути. – Обнажив свои белоснежные зубы, она ослепительно улыбается.

Саманта Хейз – просто заноза в заднице.

Встаю и, застегнув пиджак, беру портфель.

– Что ж, когда понадобится, я наберу тебя. А до тех пор, надеюсь, мы больше не встретимся.

Она также встает и смотрит на меня каким-то загадочным взглядом.

– Майк. – Саманта произносит мое имя так, будто смакует его. Правда, у меня складывается ощущение, что мысленно она подвергает меня какой-то изощренной пытке. – Знаешь, твое имя означает «тот, кто подобен Богу».

Она определенно сумасшедшая. Нет никаких шансов, что эта сделка пройдет гладко. В который раз убеждаюсь, что от эмоций одни проблемы. Если бы я не поддался им после разговора с Филиппом, то ничего подобного бы не произошло.

– Дай угадаю, а твое переводится как «заноза в заднице»?

Хмыкнув, она делает шаг мне навстречу, и до моего носа долетает едва уловимый аромат цветов. Я не могу его распознать. Он легкий, но в то же время такой многогранный, будто, чтобы разгадать его, необходимо сделать еще один глубокий вдох. Но я, пожалуй, воздержусь.

– Нет, мое имя означает «данная Богом». Считаю, тебе повезло. Где-то там, наверху, думают, что без моей помощи тебе не обойтись.

– Либо я где-то сильно согрешил. До встречи, Саманта. Надеюсь, она состоится не скоро. Не дожидаясь очередной едкой реплики, прохожу мимо нее.

Мне срочно нужен запасной план.

– Постой-ка, у тебя появилась девушка? – громкий хохот Йена разносится по салону автомобиля. – Только не говори, что ты снял проститутку.

– Твои умственные способности поражают меня с каждым разом все больше, – говорю, заезжая на подземную парковку.

Делаю небольшой круг и паркуюсь на своем месте.

– Кто эта самаритянка, согласившаяся на сделку с Люцифером?

Если Саманта Хейз самаритянка, тогда я святой Петр. Вместо анкеты эта бестия прислала мне фотографию со своим средним пальцем и подписью, что она не чертов лот с торгов, к которому прилагается краткое описание содержимого.

Мне все еще кажется, что я сплю, и этот кошмар все никак не закончится.

– Моя соседка. – Достаяю из машины портфель и захопываю ее.

Сам не понимаю, зачем рассказываю все этому придурку, но раз уж у меня появилась «девушка», то мне нужен хоть чей-то совет. Даже если это будет такой безрассудный тип, как мой младший брат. Мои познания относительно отношений заключаются в Николь, и это не привело к хэппи-энду, на который я рассчитывал. Так что, если у Йена есть хоть какие-то предложения, как мне не придушить Саманту, я буду премного благодарен.

– Все еще не понимаю, как это произошло, но я уже хочу с ней познакомиться.

– Избавь меня от этого. Лучше скажи, как научиться говорить на языке сумасшедших?

– Захожу в лифт и нажимаю на кнопку четвертого этажа. Я бы сейчас не отказался от пары глотков виски, чтобы унять головную боль.

– Знаешь, учитывая твой отвратительный характер и полную безэмоциональность, я все еще поражаюсь, как мы можем быть кровными родственниками, – хмыкает он. – Ты всучил этой девчонке анкету, даже не удосужившись с ней нормально поговорить. В чем твоя проблема? Что ты имеешь против людей?

То же, что и они против меня. Эмоции. Каждому человеку из моего окружения не терпится залезть ко мне в душу и вывернуть ее наизнанку. Но когда ты привыкаешь, что с самого детства никому не нужен, то такие мелочи, как чувства, становятся обузой.

– Если они не задают глупые вопросы, то я вполне могу поддержать беседу. В противном случае не вижу смысла тратить общее время.

– Мой брат, дамы и господа. Не будь сволочью и просто поговори с Самантой. Предложи ей выпить кофе и в непринужденной обстановке спроси все, что тебя интересует, – Йен говорит со мной так, будто я – трехлетка, пытающийся понять, как писать в унитаз.

Саманта скорее подсыплет мне крысиный яд в напиток, прежде чем я успею открыть рот.

– Что-нибудь еще? – Двери лифта открываются, и через пару мгновений я оказываюсь напротив квартиры Саманты Хейз.

– Да. Просто для заметки, не все девушки такие стервы, как Николь. Перестань злиться на весь мир.

Поразительно, как из любимицы моей семьи она превратилась в первоклассную стерву, посмеившую разбить мне сердце. Если, конечно, говорить словами моего брата.

Но проблема заключается в том, что я не испытываю злости. Николь Фэйерхоп была любовью всей моей жизни. Я отдал ей свое черствое сердце в первый же день знакомства и делал все, чтобы она была счастлива. Возможно, а точнее наверняка, меня нельзя назвать эмоциональным человеком, но я был предан ей каждую секунду нашей совместной жизни. Я никогда бы не подумал, что такая женщина, как Николь, обратит внимание на парня из бедного района, у которого за душой не было ни цента, но она была моей. Я выворачивался наизнанку, но давал ей все самое лучшее. Курорты, драгоценности, статус, и хотел дать ей семью. Большой дом с белым штакетником, задним двором и барбекю по выходным. Он был бы наполнен

детьми, ароматом домашней еды и тихими разговорами в собственной спальне. Но, как оказалось, без всего этого она вполне могла обойтись.

В том числе и без меня.

Поэтому я не чувствую злость? От нее нет никакого толка. Если Николь решила, что вполне счастлива без меня, то так тому и быть. Я же больше не собираюсь наступать на одни и те же грабли и совершать опрометчивые поступки, касающиеся любви.

Все, что меня сейчас интересует – партнерство и продвижение по карьерной лестнице. И, как бы парадоксально это ни звучало, но помочь мне в этом может только Саманта Хейз, свалившаяся на меня как снег на голову.

– Я запомню. – Сбрасываю вызов и несколько раз стучу в дверь, пока Йен не начал вести себя как доктор Фил.

Бросаю взгляд на наручные часы и тяжело вздыхаю. Сейчас уже половина десятого вечера, если Саманта хочет, чтобы я занялся договором, то в ее интересах открыть дверь. Поднимаю руку, чтобы еще раз постучать, но передо мной появляется рыжая бестия, с некоторых пор именуемая моей девушкой.

– Мистер Дэниелс, как неожиданно. – Мило улыбнувшись, Саманта приваливается плечом к дверному косяку. – Чем обязана?

Ее волосы снова обрамлены повязкой кричаще желтого цвета. На этот раз вместо вязаной одежды на ней обычный джинсовый комбинезон и белая майка в зеленый горошек. Даже в таких деталях она осталась верна себе.

Невыносима, черт ее возьми.

– Договор, – сухо произношу я.

– Тяжелый день?

– Он станет лучше, если ты отдашь мне документы, – протягиваю руку, и Саманта закатывает глаза.

Она вытаскивает из-за спины папку и вкладывает край в мою ладонь.

– Когда мне ждать ответ?

– Я посмотрю, что можно сделать. А сейчас предпочту удалиться. – Вырываю документ из ее руки и, не дожидаясь ответа, направляюсь в свою квартиру.

Едва успеваю открыть дверь, как Саманта окликает меня. Выйдя босиком в коридор, она складывает руки на груди и вскидывает голову.

– Я люблю карамельный латте, и у меня аллергия на арахис, поэтому можешь захватить из кофейни в конце улицы круассан с пастой из сливочного сыра и сельдерея.

– Это звучит так же ужасно, как и цвет твоей повязки.

Губы Саманты растягиваются в довольной улыбке.

– Спокойной ночи, мистер Дэниелс.

– Мисс Хейз, – произношу я, захлопывая дверь.

Глава 7. Сэм

Через пару дней мы с Бриджит начинаем постепенно наводить в магазине порядок. Он уже не кажется таким пустым и безжизненным. Даже колокольчик в форме лепрекона больше не вызывает у меня раздражение.

– Что значит, мы можем не съезжать? – хмурится Бриджит, уперев руки в бока.

– Распаковываем коробки и освобождаем склад. Бернارد Уолш не проблема. Я все решила.

Если быть точнее, Берни теперь сделает все, лишь бы больше никогда в жизни не видеть Майка. Сегодня он ждал меня около магазина, бледный, словно мел, и едва я успела к нему подойти, как всучил мне новый договор и акцентировал внимание на снижении арендной платы. Он то и дело вытирал пот со лба, пока я тщательно изучала документы, и оглядывался на дверь, будто та сейчас распахнется и появится либо Бриджит, либо Майк. Оба варианта равносильны сердечному приступу. Стоило мне поставить подпись, как он с такой скоростью вылетел из магазина, что чуть не снес входную дверь.

Бриджит не сводит с меня пронизывающего взгляда. Ставлю коробку с удобрением на пол и, вытерев руки о потертые старые джинсы, подхожу к бабуле. Кладу ладони на ее плечи и ощущаю, как отчетливо проступает ее худоба через тонкую ткань рубашки.

– Тебе надо завязывать с зумбой. Я не шучу. За последний месяц ты слишком похудела.

– Не морочь мне голову, Сэми, и расскажи, что происходит, – отмахивается она и при-топывает ногой.

Я заключила сделку с самим дьяволом. Такой вариант подойдет?

После того как Берни ушел, я хотела написать Майку и поблагодарить его за помощь, но потом вспомнила его величественный тон, надменное поведение и сарказм, которому позавидует сам Билл Мюррей, и решила, что общение с мистером «упругая задница» надо свести к минимуму.

Кто будет винить меня за это желание?

Вот только, что сказать Бриджит, я так и не придумала. Она придет в ужас, если узнает об этой аванюре. Бабуля на дух не переносила Джейка и считала, что он не достоин дышать со мной одним воздухом. Хотя у него была безупречная репутация: вежлив, пунктуален и съедал ее отвратительную тушеную капусту с беконом. Что уж говорить о Майке, который ведет себя так, будто весь мир – всего лишь пыль под его ногами?

Зная Бриджит, она явится к нашему соседу и потребует оплатить его услуги. Она ненавидит быть в долгу.

– Я кое-кого встретила, – не слишком уверенно произношу я.

Кажется, это моя самая большая ложь за всю жизнь.

– А поконкретнее? Если это опять тот слизьяк, то в его же интересах не появляться на пороге нашего дома.

– Бога ради, это не Джейк. Он вполне счастлив на другом конце страны.

– Тогда кто это?

Неуверенно пожимаю плечами.

– Наш сосед. Мы совершенно случайно встретились в кофейне недалеко от магазина, и он пригласил меня на свидание.

Чисто теоретически – это даже не ложь. Разница лишь в том, что вместо свиданий и разговоров по вечерам между нами с Майком искрит ненависть. Одно неудачно подобранное слово, и произойдет взрыв.

Кроме сухого сообщения «Я решил проблему с договором», я больше ничего не слышала о своем фальшивом парне. Над его квартирой все так же не горит лампочка, а дверь выглядит

безумно одинокой. Знаю, звучит странно, но я чувствую энергетику людей, и от Майка разит одиночеством и тоской. А еще брезгливостью, педантичностью и ужасным чувством юмора.

Я думала, что просьба заполнить анкету – глупая шутка. Но как оказалось, нет. Он в самом деле прислал мне анкету, причем с такими вопросами, что сложилось ощущение, будто Майк хочет попросить отдать ему почку. Уверена, его организм отверг бы мой орган в первую же секунду трансплантации. Дэниелса интересует моя группа крови, аллергены и предпочтения в еде. Он даже пометил звездочкой особо важные пункты, такие как «статус отношений» и «образование».

Конечно же, это первое, о чем узнают, вступая в отношения. Пусть и фальшивые.

– Какой еще сосед? Если таким образом ты скрываешь, что наконец-то дала Питеру шанс, то у тебя большие проблемы с формулировкой.

– Ты можешь оставить бедолагу в покое? – Отхожу от Бриджит и принимаюсь дальше распаковывать вещи. – Пит мой друг и я никогда не рассматривала его в сексуальном плане.

– Нет, все же с формулировкой у тебя все плохо, – тяжело вздыхает она. – В чем проблема сказать: «Я все еще не решилась подарить ему свой цветочек?»

– Бабушка!

– Что? Как, по-твоему, появился твой отец? Дедуля Ангус был очень даже...

– Не заканчивай это предложение! Знать ничего не хочу! – От шока едва не роняю горшок, который изготовила на днях. Почему с ней так тяжело разговаривать? Бриджит издает смешок и, качнув головой, раскладывает саше на полке. – Во-первых, давай закроем тему с Питом. Во-вторых, Майк живет на нашем этаже, в квартире 22с.

– Я думала, там живет та милая брюнетка. Она как-то угостила меня бесподобным домашним хлебом и обещала поделиться рецептом.

Видимо, не одна я считаю Майка призраком. Интересно, кто эта брюнетка? Дэниелс так резкоотреагировал, когда я решила разузнать насчет нее.

– Не понимаю, когда ты успела с ним познакомиться?

– Для того чтобы назначить свидание, требуется не так много времени. Но вернемся к Берни. Как оказалось, Майк – один из лучших адвокатов Лос-Анджелеса, и он сказал, что сможет решить нашу проблему.

– Сэми, – осторожно произносит она.

Вот он, тот самый голос, означающий, что я ничего не понимаю. Но мне надоело спорить. Мы остаемся в этом магазине, и пусть ради этого мне придется играть роль девушки самого черствого мужчины на планете.

– Почему мне кажется, что ты врешь, Сэми?

– Разве я могу?

Несколько долгих мгновений она смотрит на меня с нескрываемым скептицизмом, и мне даже становится обидно, что Бриджит не верит, будто у меня могут появиться отношения. Да, я осторожна, но все же не монашка.

– Я приготовлю ужин, и ты пригласишь своего парня. Хочу лучше его узнать, – безапелляционно заявляет она.

– Ужин? Зачем? – Я так резко подсакиваю, что ударяюсь локтем о стеллаж.

– Сэми, в последнее время у тебя плохо со слухом. Я же сказала, хочу познакомиться *своим парнем* поближе, – «твоим парнем» она выделяет как-то по-особенному, и я съеживаюсь. – Приготовлю что-нибудь традиционное. Как насчет пастушьего пирога, домашнего хлеба и баранины с овощами?

Если Майк притронется к еде Бриджит, то наша сделка закончится намного быстрее, чем мы оба предполагаем, так как после этого ужина он отправится прямым ходом в госпиталь.

Откашлявшись, выхватываю из рук бабули коробку с сухоцветами и ставлю ее на пол. Надо поскорее ее выпроводить.

– Майк вегетарианец и очень избирателен в еде. Так что, может, в другой раз? – Хотя, учитывая его подход к людям, не удивлюсь, если он предпочитает мясо с кровью. – Раз мы закончили, то я настаиваю, чтобы ты пошла отдохнуть, а я справлюсь тут сама. К тому же вечером обещала зайти Холли, и мы вместе пойдем в химчистку.

– Этой девице надо отправить в химчистку не только одежду, но и язык, – причитает Бриджит.

Тяжело вздохнув, бабуля ставит на полку позади прилавка нашу семейную фотографию, и кончики ее пальцев задерживаются на зеленой рамке. На снимке изображены мы с родителями. Это был обычный день, как и все остальные. Папа занимался бухгалтерией, бабуля пекла свои любимые пирожки, которые по итогу пригорели, и гарь заполнила каждый уголок квартиры. Я сидела около маминых ног, наблюдала, как она делала набросок новой картины, и пыталась за ней повторить. А потом она вдруг сказала, что мы должны запечатлеть этот момент. Ведь он больше никогда не повторится.

Как же она была права. Будь моя воля, я бы вернулась назад и снимала каждый день, чтобы воспоминания не тускнели.

Губы Бриджит подрагивают, и она отводит от фотографии взгляд. Она совсем не сентиментальна, но в последнее время что-то в ней изменилось.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, подходя ближе. – Тебя проводить до дома?

Она громко фыркает.

– Не веди себя со мной так, будто я вот-вот отправлюсь на тот свет. Мне всего-навсего шестьдесят пять.

– А ведешь себя похлеще, чем я в подростковом возрасте. Не упрямься!

Улыбнувшись, она ласково касается моей щеки.

– Твой отец гордился бы тобой, – шепчет она, и мои глаза наполняются слезами.

В горле появляется ком, и слова так и остаются невысказанными. Когда-нибудь я научусь говорить о родителях без слез. Точно так же, как Бриджит. С улыбкой и легкостью. Будто они сейчас вместе зайдут в магазин, и последние семнадцать лет окажутся страшным сном, а боль, пронизывающая грудь, исчезнет. Я больше не буду чувствовать себя маленькой брошенной девочкой, чья жизнь изменилась по щелчку пальцев.

Я слишком мало времени провела с ними.

Бриджит все же уходит, а я остаюсь в магазине, стараясь занять себя работой, чтобы отвлечься. Заодно, пользуясь случаем, избавляюсь от некоторых вещей, пока она не видит. Например, кидаю в коробку с хламом чучело из соломы, больше напоминающее куклу Вуду. Даже не буду уточнять у Бриджит, откуда она его взяла и для чего использовала. Наверняка она пустится в свои мистические истории. Я же намерена сделать все, чтобы мы больше не были на грани закрытия.

– Холли, ты ужасна. – Ставлю корзинку с грязным бельем на стол и смотрю на экран телефона. Подруга поправляет макияж и еще раз рисует жирную стрелку. – У нас же «грязный четверг».

– Прости, Хейз, но я обхаживала этот денежный мешок несколько недель, и хочу побыть грязной немного в другом смысле. Если ты, конечно, понимаешь, о чем я, – она поигрывает бровями.

– Какая мерзость. Ты не обхаживала его, а просто крутила задницей перед его кабинетом, – фыркаю я.

– И поэтому не хочу, чтобы мои старания оказались напрасны, – хмыкнув, она затягивается сигаретой.

– Скажи, что он хотя бы симпатичный, и ты спишь с ним не только из-за денег.

– Не будь такой наивной. Все, Сэм, мне пора бежать. Обещаю, в следующий раз не пропущу «грязный четверг». – Она посылает мне воздушный поцелуй и сбрасывает видеовызов.

У нас с Холли разные приоритеты в жизни, и я никогда не осуждала ее за выбранный путь, но порой мне хочется, чтобы она остановилась и посмотрела, в кого превращается. Иногда кажется, что ей не так уж важны танцы и труппа. Она просто пытается не чувствовать себя одинокой.

Достаю из корзины стопку с грязным бельем. Пока я дошла до химчистки, все перемешалось, и теперь среди цветных вещей проскальзывает парочка белых. Кто придумал сортировку? Почему нельзя просто забросить вещи в стиральную машинку и не тратить добрых десять минут на такую чушь? Возможно, мир был бы чуточку добрее, если смешать парочку цветов.

Закидываю вещи в барабан, включаю нужный режим, как вдруг кто-то касается моего плеча. От испуга я резко оборачиваюсь и инстинктивно вскидываю руку в попытке защититься. Наушник выпадает из одного уха, и до меня доносится до боли знакомый голос:

– Гребаное дерьмо!

Первое. Я ни при чем. Сработал инстинкт самосохранения.

Второе. У меня действительно очень сильный удар.

Майк Дэниелс стоит передо мной, согнувшись пополам, и сжимает переносицу двумя пальцами. Он так шумно дышит, что мне хочется сделать пару шагов назад, а еще лучше вернуться домой и закрыть дверь на все замки. Кажется, его напарник не шутил, когда говорил, что у Дэниелса проблемы с контролем гнева.

Сделав глубокий вдох, он выпрямляется, и я готова провалиться сквозь землю от стыда и рвущейся на волю улыбки. Хотя нет ничего смешного в том, что из носа Майка течет кровь, но уже дважды я заставляю этого мужчину выходить за рамки допустимого.

– Саманта, – он так тихо произносит мое имя, будто проклиная меня.

На его белую футболку падает пара алых капель.

– Какая неожиданная встреча. – Я мило улыбаюсь и закусываю губу. – Я правда не хотела, и мне очень неловко. Ты испугал меня.

– Замечательно, оказывается, я еще виноват в том, что ты снова ударила меня в нос! – злобно выплевывает он и морщится.

– Кто подкрадывается к женщине сзади? Чего ты ожидал? Я защищалась! – Складываю руки на груди и сверлю его взглядом.

– От кого? Мы тут вдвоем! – рявкает он и запрокидывает голову, чтобы успокоить кровотечение.

– Ну, для начала, я думала, что тут никого нет.

– Если бы ты меньше трепалась по телефону, то услышала бы, как я тебя звал.

Майк отворачивается и садится в самом дальнем углу прачечной, бормоча под нос ругательства и что-то насчет его личного проклятья. Оглянувшись по сторонам и заметив меня, он фыркает, но сразу морщится. Видимо, я слишком сильно ударила.

Он пытается вытереть кровь краем белой футболки, и мой взгляд совершенно случайно скользит по его бронзовой коже и косым мышцам.

Мать божья!

Это законно?

Может, сказывается долгое воздержание? Иначе как назвать предательскую реакцию моего тела на полуобнаженный вид торса Майка?! Его мышцы четко очерченные и V-образным вырезом уходят под резинку спортивных штанов. Уверена, если он поднимет футболку чуть выше, я смогу насчитать идеальные восемь кубиков пресса.

Дэниелс ерзает на стуле, отчего тот издает противный скрипящий звук, и я вздрагиваю.

Кажется, у меня случилось помутнение рассудка.

Подхожу к автомату и покупаю бутылку воды. Она едва прохладная, но выбирать не приходится.

– Перемирие? – протягиваю воду, и Майк, слегка повернув голову, хмурится.

Интересно, он когда-нибудь улыбается?

– Ты подсыпала туда яд?

– Это для твоего носа, умник. – Убираю его руку и прислоняю к месту удара бутылку. Дэниелс шумно втягивает в себя воздух. Да, я определенно слишком сильно давлю. Совсем не специально.

Присаживаюсь рядом и постукиваю пальцами по коленке.

– У тебя какой-то фетиш бить людей?

– Мне просто нравится видеть тебя на коленях, – отшучиваюсь я, но очевидно, шутка вызывает обратный эффект, и Майк хмурится. – Расслабься, иначе ты упадешь в обморок от сердечного приступа, а не от моего меткого удара.

Между нами повисает напряженное молчание. Мне хочется помочь Майку, но думаю, это последнее, чего он от меня ждет.

– Сегодня приходил Берни, – выдавливаю из себя, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – Он снизил арендную плату.

– Не стоит благодарности, – бормочет Майк, отнимая от лица бутылку.

Достаю из сумки носовой платок и протягиваю ему. Майк с подозрением смотрит на маленькую цветастую вещицу, будто та может его убить. Заметив в углу платочка вышитую пчелку, он закатывает глаза, но все же стирает с подбородка и носа капли крови. С таким мрачным взглядом и кровавыми разводами он похож на серийного убийцу.

– Давай помогу. – Открываю бутылку, выхватываю из рук Майка платок, который из ярко желтого превратился в грязно-красный, и слегка смачиваю его.

Майк весь напрягается, когда моя рука касается его носа. Я стараюсь как можно аккуратнее убрать следы крови, а Дэниелс и вовсе не дышит. Его губы плотно сжимаются, лоб хмурится, отчего на коже появляются морщинки. Мне хочется провести по нему пальцем и разгладить, возможно, тогда этот мужчина не будет казаться таким мрачным. Он пристально наблюдает за каждым моим движением, а затем откашливается и отстраняется.

– Ты не ответила на мое сообщение, – хмуро произносит он.

– Ты про то приказное письмо с требованием назвать группу крови? Вторая положительная. Это так, к сведению. Что ты имеешь против разговоров?

Он открывает рот, а затем захлопывает его. Господи, как же тяжело найти контакт с этим мужчиной. Не то чтобы мне этого так сильно хотелось, но все же.

– Через три дня намечается поездка в загородный клуб, от которой будет многое зависеть, – голос Майка такой сухой и безжизненный, что мне хочется его встряхнуть. Складывается ощущение, что каждое слово дается ему через силу. – Мне нужно знать о тебе хоть что-то, чтобы не провалиться в первую же секунду.

– Вот она я, – обвожу себя руками, будто я – чертов приз, который ему посчастливилось выиграть. Но, видимо, Майк думает иначе. – Слушай, мы оба сейчас заняты, – киваю на стиральные машинки. – Так почему бы нам не провести время с пользой и действительно не узнать друг друга?

– Черт! – а это уже рекорд. Дважды за десять минут услышать от него что-то помимо тяжелого вздоха.

Майк срывается с места, подбегает к моей стиральной машинке, нажимает на кнопки, но процесс не останавливается.

– Ты решил углубить свои знания и изучить содержимое моего гардероба?

Он закрывает глаза и сжимает переносицу, совершенно не обращая внимания на то, что совсем недавно из его носа текла кровь.

– Вот о чем я хотел тебя предупредить! Ты перепутала машинки! – он гневно тычет пальцем в стеклянную круглую дверцу, через которую отчетливо виден мой изумрудный топ, следом за ним проскальзывает череда разномастных вещей.

– А где написано, что она твоя? – пожимаю плечами.

Раздраженно фыркнув, он качает головой.

– Просто скажи, что в этой машинке нет ничего, что могло бы полинять.

Я закусываю губу и отвожу взгляд в тот самый момент, когда ярко-розовая кофточка, подаренная Холли на прошлое Рождество, проносится перед моими глазами.

– Думаю, нам следует начать с того, что я очень люблю цветные вещи.

– Я правда не хотела, – заверяю Майка, когда он достает когда-то белую рубашку. Теперь она больше похожа на взрыв красок.

– Даже не сомневаюсь в этом, – ворчит он, засовывая свои ужасные рубашки в сушку. Перед тем как захлопнуть дверцу, Майк еще раз проверяет барабан на наличие моих вещей, а уже потом запускает механизм.

– Видишь, мы на верном пути к успеху: стираем вместе белье, – я пытаюсь разрядить обстановку, но Дэниелс никак не реагирует на меня.

Он сосредотачивается на телефоне, и все также хмурясь, что-то изучает, совершенно не обращая на меня внимания. И кто поверит, что у нас с этим мужчиной, который, очевидно, не разговаривает без особой надобности, могут быть какие-либо отношения? Он проявляет больше интереса к стиральной машинке, нежели ко мне.

– Раз уж мы с тобой тут застряли, предпочитаю перейти к делу.

– Как удивительно, – округляю глаза в притворном ужасе, чем вызываю у него очередной хмурый взгляд. – Тогда предлагаю начать с того, что ты начнешь излучать меньше раздражения в мою сторону.

– Я не испытываю к тебе раздражения.

– А так и не скажешь.

– Раздражение – это эмоция, а я предпочитаю держать их под контролем.

Можно подумать, я не заметила.

– Итак, раз вопрос с выселением из магазина решен, давай обсудим план действий. В субботу намечается встреча с потенциальными клиентами. Ничего особенного: игра в гольф, а следом ужин в загородном клубе. Я забронировал номер в гостинице, чтобы не тащиться через весь город с утра пораньше по пробкам, так что можем выехать в пятницу вечером.

И никаких: «Саманта, удобно ли тебе?», «Не против ли ты провести вечер в компании парочки снобов, размахивающих друг перед другом своими банковскими счетами?»

– Спешу тебя огорчить, но вряд ли у меня получится. В субботу я планировала пойти на городскую ярмарку, в воскресенье обещала составить Питу компанию на баскетбольном матче, а затем вернуться к привычной рутине смертных – работе. Припоминаешь?

Я посещаю ярмарку вот уже семнадцать лет. Не важно, случилось ли наводнение или начался апокалипсис, каждые выходные я отправляюсь на ярмарку, чтобы продать несколько глиняных горшков и никому не нужных безделушек. Таким образом в очередной раз я напоминаю себе, что жизнь может круто измениться и преподнести сюрприз в виде одиночества до конца дней.

Но при виде вечно хмурого и угрюмого мужчины, сидящего напротив, совесть громко поет, что у меня перед ним должок. А Хейзы всегда держат слово.

Из вредности мне хочется в очередной раз вывести Дэниелса из себя и заставить его лицевые мышцы хоть немного напрячься и проявить капельку эмоций. Можно сказать, у меня появилось еще одно любимое занятие.

– У нас договор, – сухо напоминает Майк.

– Эта ярмарка важна для меня. Но если ты поможешь мне со следующей, возможно, я что-нибудь придумаю. – Кручу между пальцев ниточки, выбившиеся из дырки на джинсах.

– Саманта, – в одном моем имени, сорвавшемся с губ Майка, сосредоточен весь его гнев.

– Слушай, может, я смогу попросить подругу подменить меня. – Уверена, Холли будет не особо рада моей просьбе. Если в радиусе трех метров нет красивого парня, с которым она сможет скоротать вечер, то это автоматически не привлекает ее внимание. – Я бы на твоём месте думала о том, что мне необходимо знать, помимо твоей группы крови, указанной в анкете. Кстати, ты серьезно думаешь, что меня за ужином промежду прочим спросят о ней?

– Нет. Но я предпочитаю быть готовым к любой ситуации. Меньше импровизации, больше фактов.

Факт номер один. Мой фальшивый парень похож на робота. Ну кто так говорит?

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Например, было бы неплохо что-то узнать о твоей любимой еде, забавных случаях из студенчества или хотя бы о семье, помимо имен, – я перечисляю совершенно очевидные вещи, но для Майка они кажутся чем-то заоблачным.

Достаю из сумочки пакетики чипсов и протягиваю Майку. Он, естественно, воздерживается и скептически поглядывает на измятую упаковку. Демонстративно закидываю чипсину в рот и едва не давлюсь от ужасного вкуса вяленых помидоров. Как я могла купить эту гадость?

– Как мы выяснили, ты предпочитаешь питаться энергией окружающих, вызывая у них отторжение, я же придерживаюсь старой доброй американской кухни и не против съесть парочку бургеров. – В животе урчит, стоит только подумать о сочной говяжьей котлете. – О, и еще у тебя третья отрицательная. Не думай, что я пропустила эту важную информацию мимо ушей, – постукиваю указательным пальцем по виску.

Неужели у него все так плохо с чувством юмора?

Майк подходит к автомату, покупает баночку кофе и, на удивление, в придачу достает оттуда пакетик апельсинового сока. Устроившись рядом, он протягивает мне напиток, и я борюсь с собой, чтобы не отпустить какую-нибудь колкость, от которой этот мужчина вновь от меня закроется.

– Давай начнем с самого простого, – предлагает он. – Как мы познакомились.

– О, об этом можешь не переживать, я уже сказала своей бабушке, что ты помог мне с Берни, и так зародилась наша любовь. – Прикладываю руки к груди и посылаю Майку влюбленный взгляд, чем, судя по всему, вызываю у него разрыв сосуда, учитывая его недовольное лицо. – Кстати, возможно, ты приглашен на семейный ужин.

Майк молча смотрит на меня и переваривает поток неконтролируемой информации.

– Возможно, я тебя недооценил, – усмехнувшись, он качает головой.

Откладываю пакет с чипсами в сторону, так как еще немного, и меня вывернет прямо на Дэниелса. Я уже дважды его ударила, так что мы вполне можем обойтись без очередного фиаско.

– Люди, с которыми мы должны встретиться, очень важны для моей карьеры. После того, как заполучу партнерство, возглавлю офис в Сан-Франциско.

– Это то, чего ты действительно хочешь? – Обхватываю губами трубочку и потягиваю апельсиновый сок.

– Разве не в этом суть нашего соглашения?

– Да, но звучит слишком ужасно. Прости, я понимаю, это твой тип характера, но мне хочется узнать чуточку больше. Например, почему ты захотел стать юристом?

Привычка искать на все ответ дает о себе знать.

Он молчит. Можно поставить такую же баночку, как в магазине, и кидать в нее пару долларов, когда Майк соизволит ответить и не будет казаться таким отчужденным.

– Я борюсь за правду, – просто отвечает он.

Сухо, лаконично и вполне ожидаемо.

Противный писк оповещает о завершении работы, и мы с Майком вытаскиваем вещи. Он тяжело вздыхает, глядя на свои когда-то белые рубашки, и с остервенением принимается их складывать. Я же, в свою очередь, просто вываливаю кучу вещей в корзину и закрываю крышкой.

– Я могу попробовать вывести пятна. – Предложение, конечно, абсурдное, но я хотя бы пытаюсь найти варианты, а не вымещаю злость на куске ткани.

– Обойдусь. – Он кладет последнюю рубашку в корзину, и я закатываю глаза. Майк сложил вещи так аккуратно, что можно подумать, они только что лежали на витрине магазина.

Мы выходим из прачечной и направляемся в сторону дома. Дэниелс спокойно несет корзину, я же свою едва могу держать. Сдуваю с лица выбившуюся прядь волос и останавливаюсь, чтобы перевести дыхание.

– В чем дело? – Майк оборачивается и изгибает бровь. – Нашла очередную жертву, чтобы врезать в нос?

– Ха-ха, очень смешно, – показываю ему язык. – Просто не все такие сильные, как ты. Я, знаешь ли, едва успеваю за тобой.

Один его шаг равен трем моим.

Не говоря ни слова, Майк подходит ближе, ставит мою корзину поверх своей и с совершенно невозмутимым видом направляется к пешеходному переходу.

Пару секунд я любуюсь его упругой задницей и, вытянув руки, образую указательными и большими пальцами квадрат. Делаю воображаемый снимок, запечатлевая этот прекрасный момент в памяти.

– Я чувствую, что ты смотришь на мою задницу, Хейз. Подбери слюни. – Майк заворачивает за угол, как обычно, не оставив мне возможности ответить колкостью.

Что ж, «грязный четверг» закончился как нельзя лучше.

Глава 8. Майк

– Seriously, Кэп, ты же знаешь, как работает система. Сейчас придет Майк, сверкнет своим дипломом Беркли и вытащит меня отсюда. Давай пройдем несколько бесполезных этапов, и ты просто меня отпустишь.

– Посади свою задницу на место, Санчес, – рявкает Дилан. – Радуйся, что тебя задержал я, а не ребята из другого патруля. – Думаешь, они были бы столь любезны, что держали бы тебя в участке, а не отправили в камеру?

Нет. Они бы избили его на месте задержания и кинули в камеру с отбитыми отморозками.

– В камере я хотя бы мог прилечь. Почему у тебя стулья такие неудобные? Я бы на твоём месте подумал о смене рабочего места.

– Не понимаю, почему Дэниелс вечно тебя вытаскивает из дерьма. Ты же ничего не ценишь.

– Ага. Отброс общества, ты забыл сказать.

– Хавьер, – строго обрываю я парня, и он едва заметно вздрагивает.

Хавьер не смотрит в мою сторону. Развалившись на стуле так, словно совсем не паникует, что Дилан может отправить его в колонию для несовершеннолетних, Хави перекашивает между пальцами четки. Его голова повернута в сторону, но даже с этого ракурса мне удастся заметить, что его скула рассечена, а веко припухло.

Чертов засранец!

– Ну наконец-то, – с облегчением выдыхает Дилан. Он постукивает карандашом по картонной папке, и я так предполагаю, что внутри находится протокол задержания Хави. – Он пойман с поличным, Майк. Прости, но в этот раз ты ничего не сможешь сделать. Это не просто банка содовой. Он с друзьями обчистил магазин на полторы тысячи баксов.

– Ты избил его, – констатирую я факт.

Брови Дилана ползут вверх, и он ошалевшим взглядом смотрит на меня.

– Слушай, Дэниелс, я сделал тебе одолжение этим звонком.

– Моему клиенту ты тоже сделал одолжение, когда впечатал его лицо в капот машины? – Хватаю Хавьера за подбородок и дергаю его голову на себя, но малец, как всегда, упрямится. Видимо поняв, что мое терпение на грани, он все же смотрит на меня убийственно-хмурым взглядом, и во мне просыпается гнев. Другая сторона лица Санчеса похожа на один сплошной синяк с кровоподтеком. Освободившись из моей хватки, он снова отворачивается и складывает руки на груди. – Какого черта, Дилан? Ты знаешь, что я могу засудить тебя за это? Он же несовершеннолетний!

– Скажи это владельцу магазина, у которого он украл деньги, – рявкает в ответ офицер.

Делаю медленный вдох и сжимаю ладонь в кулак, чтобы успокоиться.

– Подожди меня в коридоре, – спокойно говорю Хавьеру.

– Увидимся, Кэп. – Хавьер проходит мимо меня, и я хватаю его за рукав толстовки, заставляя остановиться.

– Жди в коридоре, – твердо повторяю.

Хави дергает руку и, раздраженно вздохнув, уходит, шаркая поношенными кроссовками.

Сажусь в кресло и делаю медленный вдох, пытаюсь утихомирить ярость и не сорваться. Я прервал совещание с Оуэном не для того, чтобы сделать Хави хуже или вступить в сотую за месяц перепалку с Диланом О’Брайаном. Мы с Оуэном обсуждали план действий по новому делу о корпоративном шпионаже, когда раздался звонок, и мне пришлось все бросить, чтобы вытащить моего подопечного из полицейского участка.

Снова. В третий раз за последние две недели.

– Это мой участок, – говорит Дилан, бросая на меня гневный взгляд. – В следующий раз я посажу его. Клянусь, Майк, он все делает, чтобы оказаться за решеткой, но ты раз за разом спасаешь его.

– Если ты назовешь мальчика отбросом, мы будем разговаривать с тобой совсем иначе.

Он качает головой и, наклонившись, достает из тумбочки два бокала и бутылку виски. Налив в каждый совсем немного янтарной жидкости, протягивает один мне, но я не притрагиваюсь. Хмыкнув, он залпом выпивает свою порцию.

– Я возьму ущерб. – Складываю руки в замок. – Напиши мне данные пострадавших, я сам с ними поговорю и объясню ситуацию.

– Майк, ты думаешь, им есть дело до судьбы какого-то малолетнего засранца, решившего навариться на их бизнесе? Их больше волновали понесенные убытки, пока они давали показания.

– Это мне решать. Дай чертов номер.

Тяжело вздохнув, он берет листок и пишет нужную информацию, а затем протягивает мне. Когда я беру бумажку в руки, Дилан не спешит ее отдавать.

– К сведению, не обязательно вести себя как высокомерная выскочка всякий раз, когда ты приходишь в участок. Если помнишь, то я частенько прикрывал твою задницу.

Это было в прошлой жизни. Дилан О’Брайан неоднократно вытаскивал меня из проблем, когда я был бунтующим подростком, не контролирующим свои гормоны и эмоции. Я был зол на весь мир и винил каждого в своих провалах. Он прикрывал меня перед родителями и закрывал глаза на мелкие правонарушения. С тех пор я не совершаю опрометчивых поступков, и если уж оказываюсь в полицейском участке, то в качестве защитника, а не виновного.

Молча встаю со стула, но голос старого друга заставляет обернуться.

– Его никто не избивал. Мы задержали Хави уже с разукрашенным лицом. – Он разочарованно вздыхает. – Майк, он хороший парень, но явно не хочет, чтобы ты его спасал.

– Ты так же думал обо мне?

Он усмехается.

– Я думал, что в будущем ты принесешь мне еще больше проблем. Как видишь – не ошибся. – Дилан почесывает заросший щетиной подбородок. За прошедшие годы он набрал в весе и едва помещается в своем капитанском кресле. Его волосы почти выпали, а щеки покрывает густой румянец, в глазах же залегла усталость. – Либо он возьмется за ум, либо не успеет отметить свое совершеннолетие и загремит за решетку. Займи его чем-нибудь.

Я ничего не отвечаю и покидаю кабинет, крепко сжимая ручки портфеля.

– Можешь начинать орать. – Выплюнув в окно жвачку, Хавьер тянется к карману объемных джинсов в поисках пачки сигарет.

– Сделаешь хотя бы затяжку, и я отправлю тебя обратно в участок.

– Ты думаешь, я в это поверю? – нагло усмехается он.

– Хочешь рискнуть?

– Да плевать. – Нажав на экран магнитолы, он повышает громкость на максимум, чтобы не слышать меня, и отворачивается к окну.

Провожу рукой по лицу и, успокоившись, отъезжаю от департамента полиции Комптона под пристальными взглядами полицейских. Некоторым из них я как кость поперек горла. Ведь они надеялись, что смогут засадить меня за решетку, как и половину района. К тому же в последнее время я слишком часто здесь появляюсь.

Убабляю громкость, так как от второсортного рэпа головная боль становится невыносимой, и приоткрываю окно. Аромат помойки, жженных шин и барбекю залетает в салон, пока мы углубляемся в один из самых криминальных районов Лос-Анджелеса.

По-хорошему мне надо убраться отсюда и забыть, что я вырос тут, но упрямый пацан, из раза в раз влезающий в неприятности, не дает мне такой возможности.

Сбавляю скорость и мельком смотрю на Хавьера Санчеса. Его смуглая кожа все больше приобретает синеватый оттенок в районе скулы, а глаз становится похож на маленькую щелку.

У меня дежавю. Мы познакомились точно при таких же обстоятельствах. Только в тот день Хавьер пытался угнать мою машину, пока я покупал кофе. Его дружки смылись, без зазрения совести оставив отвечать за всех. Хави не испугал срок, на который я мог упечь его в тюрьму, и предполагаемая жизненная перспектива. Он будто смирился и добился поставленной цели. Что-то надломилось во мне, когда я увидел взгляд, полный принятия судьбы. Вместо того чтобы вызвать копов, я отвел его в ближайшую забегаловку и накормил. С тех пор прошло два года, и я все больше привязываюсь к мальцу.

– Кто тебя так? – спрашиваю, сбавляя скорость перед светофором.

– Тебе ли не все равно? – огрызается он и натягивает капюшон на лицо.

Сжимаю руль пальцами. Как же он напоминает меня в подростковом возрасте.

– Может, в следующий раз мне не приезжать и позволить О’Брайану упечь тебя за решетку? Наверняка в компании пары обдолбышей куда приятнее. Тем более какая перспектива. Сразу увидишь себя в будущем.

Хавьер бросает в мою сторону какое-то ругательство на испанском, и я качаю головой.

На светофоре загорается зеленый, и я заворачиваю на улицу, где расположен дом Санчесов. Одноэтажное хлипкое строение, которое проще снести, нежели отремонтировать. Но таков весь Комптон. Он пропитан разрушением.

– Увидимся, – бросает Хавьер и тянется к дверной ручке, когда я блокирую замок. – Если у тебя припасена еще одна лекция, то я разобью окно твоей дорогой тачки.

– Валяй. – Удобнее устраиваюсь на сидении в ожидании его действий.

– Да в чем твоя проблема? – вскипает он, поворачиваясь ко мне всем телом и открывая избитое лицо. – Решил заделаться филантропом? На какой черт вечно лезешь ко мне, мать твою? Совсем нечем заняться в своей богатенькой жизни, вот и решил поиграть с отбросом в хорошего копа? Можешь засунуть свои деньги в свою привилегированную задницу.

– Закончил?

Он лишь закатывает глаза.

Я понимаю каждое его слово. Сам был таким. Но у меня была семья, а у Хави от нее одно название. За последние пятнадцать лет его отец провел на свободе от силы пять лет, и в те редкие мгновения, когда оказывается дома, избивает как жену, так и сына. Дерьмовый пример мужчины для такого озлобленного подростка. Мать же занята воспитанием младших детей, и ей нет никакого дела до старшего ребенка.

Дилан прав, еще немного, и Хави окажется за решеткой. И пусть он делает все, чтобы пойти по стопам своего отца, я не допущу этого.

– Хочешь закончить так же, как твой отец?

Хавьер едва заметно вздрагивает.

– Разве у меня есть выбор? – его голос пропитан сожалением.

– Он у тебя есть всегда, и если ты перестанешь уничтожать хоть малейший шанс и позволишь помочь, возможно, есть вариант не загреметь в тюрьму и выбраться из этого дерьма.

– Кончай играть в доктора Сьюза, – хмыкает он.

Я не могу сдерживать улыбки. Надо придумать, чем занять Санчеса, и показать, что не всем плевать на его судьбу. Филипп сляжет с сердечным приступом, если Хавьер покажется в своем привычном виде в офисе и отпустит пару ругательств. Нужен кто-то, кто не судит по внешнему виду.

Я определенно пожалею об этом, но, кажется, другого варианта просто нет.

– Завтра перед школой я жду тебя около моего дома. Есть работенка, которая поможет тебе не влипнуть в неприятности еще больше.

– Оденешь меня в костюмчик и представишь как идеального мальчика? – цокает он. – Боюсь, это не сыграет тебе на руку. – Хави указывает на свои волосы, заплетенные в косы по всей голове, а затем на пирсинг в нижней губе.

– Твоя манера общаться – вот что тебя погубит. А теперь выметайся из моей машины и не смей прогуливать школу.

– Слушаюсь. Кстати, а что случилось с твоим носом? Этот несчастный еще жив?

Бросаю взгляд в зеркало заднего вида и смотрю на синяк на переносице. Я пробыл рядом с Самантой Хейз всего полчаса, но она снова умудрилась внести хаос в мою жизнь. Каждое ее движение сопровождается каким-то разрушением. Сначала она врезала мне по носу, следом испортила одежду, что еще от нее ждать? Она воткнет клюшку для гольфа мне в голову?

Ее милый и невинный взгляд, оправдания в стиле «мне так неловко, и я не хотела» могут обвести вокруг пальца. Но я адвокат. Я каждый день сталкиваюсь с враньем и доказываю правду, поэтому вижу мисс Хейз насквозь. Возможно, ей правда жаль, но это не исключает того, что она получает удовольствие.

Об этом, черт возьми, говорит ее довольная улыбка!

Если верить словам Саманты, то она послана мне кем-то сверху. Что ж, я не оценил чувство юмора.

– Не твое дело, – отмахиваюсь я, и губы Хавьера расплзаются в улыбке.

– Да у тебя появилась подружка, – как-то уж больно радостно произносит он. – У нее хорошая задница?

Последнее, о чем я думаю – телосложение Саманты. Меня больше интересуют ее умственные способности. Хотя надо отметить, что она остра на язык.

– Тебе семнадцать, и я не собираюсь обсуждать подобные вещи. Выметайся и не забудь завтра приехать ко мне.

Хавьер громко смеется и вылезает из машины. Я наблюдаю за тем, как он медленно плетется к дому, и с каждым шагом его плечи все больше поникают. Уже на пороге он оборачивается, когда его кто-то окрикает. Переведя взгляд, через дорогу замечаю компанию парней, прислонившихся к черной тонированной машине. Они не сводят с Хавьера взгляда, но тот все же заходит в дом.

Наверняка это они его избили. Пусть Хави ведет себя так, будто ему плевать на весь мир и он действительно не хочет выбираться из этого дерьма, но я знаю, что на самом деле он мечтает о другом.

И Саманта Хейз поможет указать ему путь. Хочет она этого или нет.

Глава 9. Сэм

На следующий день я просыпаюсь от аромата выпечки и подгоревших тостов.

– Ты сегодня не идешь на зумбу? – спрашиваю я Бриджит, когда она перекладывает подгоревшие вафли на тарелку.

Взяв баночку с малиновым джемом, бабуля щедро наливает его поверх десерта и ставит передо мной. Не помню, когда она последний раз готовила мне завтрак. Разве что когда я болела, и то куриный бульон был похож на какое-то зелье. И аромат от него исходил соответствующий – зловонный.

– Небольшие изменения в графике, – отмахивается она, устроившись напротив меня и подперев подбородок ладонями. – Решила побаловать тебя с утра.

Она с энтузиазмом кивает на тарелку, я же, помявшись, все-таки беру вилку.

– Или убить, – тихо бормочу я.

Под таким слоем джема я даже не замечаю самих вафель. И все же, чтобы не обижать Бриджит и ее редкий порыв в кулинарии, беру вилку и отламываю небольшой кусок.

Рот наполняется приторным сладким вкусом, от которого сводит скулы. Кажется, сахар вместе с обгорелыми краями вафли хрустит на зубах, и нет ни малейшего шанса, что этот маленький кусочек не убьет меня.

Бриджит никогда не дружила с кулинарией. Пару раз мы вызывали пожарных, так как она забывала про индейку, и мы чуть не спалили дом. На всех школьных ярмарках мне приходилось выдавать покупное печенье за домашнее и хорошо посыпать его сахарной пудрой, чтобы никто ничего не заподозрил. Правда, как-то бабуля все же умудрилась пронести свои шоколадные кексы, которые на вид больше напоминали угли, нежели вкусный десерт. Директор Нортон был настолько увлечен рассказами Бриджит об Ирландии, что даже не посмотрел в корзину с выпечкой. По итогу он подавился, и тренеру Маккензи пришлось его откачивать. Я была готова провалиться сквозь землю, ведь в который раз не смогла выиграть конкурс, и Моника Пристли снова взяла первенство. Но я была благодарна Бриджит за то, что она есть в моей жизни и старается сделать так, чтобы я чувствовала себя нормальным ребенком. Поэтому, гордо вскинув голову, показала высокомерной однокласснице язык и откусила пригоревший кекс.

Сейчас же Бриджит не сводит с меня пристального взгляда, и мне приходится проглотить кусок. Я буквально чувствую, как он прилипает к задней стенке горла и теперь медленно сползает по пищеводу. Делаю глоток апельсинового сока и, натянуто улыбаясь, отодвигаю от себя тарелку.

– Вкусно, – хриплю я и стучу ладонью по груди, чтобы проклятый кусок наконец-то провалился в желудок. Надеюсь, у меня не начнется внутреннее кровотечение, если эта штука разрежет меня изнутри. – Займемся сегодня уборкой в магазине? Например, мы могли бы вынести на улицу тот небольшой стеллаж и расставить на нем цветы. Кстати, на днях увидела в Pinterest интересную идею. Организуем что-то вроде фотозоны и тем самым привлечем клиентов. Пока родители делают покупки, дети пополняют соцсети новыми снимками с отметкой магазина. Я уже даже страничку создала.

– Я ни слова не поняла, но если ты думаешь, что это будет выигрышно для нас, то почему бы не попробовать? – просто отвечает она, и я едва не роняю стакан с соком.

– И ты даже не будешь против? – с подозрением уточняю. Когда я заикнулась о дверном колокольчике в форме лепрекона, Бриджит меня чуть со свету не сжила.

– Новое веяние, Сэмми – то, что нам необходимо.

– Ага, – как-то задумчиво произношу, вглядываясь в бабулю.

Ничего необычного. Волосы на ее голове все в том же рыжем хаосе, яркое платье до пят и неимоверное количество бус, украшающих шею. Сегодня она даже не кажется такой уставшей, как в последние недели. Это точно Бриджит Хейз? В смысле, она даже не спорит.

Раздается стук в дверь, и мы с бабулей поочередно переглядываемся. Сейчас семь тридцать утра, и ни одна из нас никого не ждет. Кто в здравом уме приходит в такую рань?

Подойдя к двери, смотрю в глазок и, тяжело вздохнув, прислоняюсь лбом к деревянной поверхности. Что он вообще здесь забыл?

– Кто там? – Бриджит встает со стула и направляется ко мне, но я быстро останавливаю ее.

– Это Пит, наверняка хочет вместе отправиться на пробежку, – выпаливаю я первое, что приходит на ум. Но это куда правдоподобнее, чем сказать: «Там за дверью стоит мой парень, о существовании которого я не подозревала последние двадцать четыре года».

К тому же для подобных заявлений слишком рано, и разум Бриджит, кажется, пошатнулся, учитывая ее странное поведение.

Она возвращается к плите и начинает замешивать очередную порцию теста.

– Вам явно нужно не этот вид спорта изучать. – Бабуля делает какое-то странное телодвижение, и к горлу подступает тошнота.

Быстро оглядев себя, на всякий случай вытираю рукавом рубашки рот.

– Решил пожелать любимой девушке доброе утро? Очень мило с твоей стороны. – Выхожу в коридор и прикрываю за собой дверь.

Ну вот. Опять ни единой эмоции. Может, мне каждый день бить его в нос и портить рубашки, чтобы он хоть как-то напоминал живого человека? Майк смотрит на меня холодным взглядом, по сравнению с которым даже ледники в Арктике покажутся горячими песками Калифорнии.

– Саманта, – сухо приветствует он, и мне хочется предложить ему пару вафель Бриджит. Мало ли, вдруг они скрасят его день.

Вчера Майк донес мою корзину с бельем прямо до двери, а потом так же молчаливо спрятался в своем злобном логове. Я же всю ночь ворочалась в постели, пытаюсь понять, как мы сможем сыграть влюбленную пару и не убить друг друга на глазах у окружающих?

Мы слишком разные. Даже сейчас Майк стоит передо мной в черном костюме, подчеркивающим цвет его темных глаз, в то время как на мне растянутые спортивные штаны и рубашка, на которой местами есть дырки, не говоря уже о наспех собранных волосах.

– Мы можем поговорить? – он кивает на дверь, и я отрицательно качаю головой.

Майк вопросительно изгибает бровь.

– Знаешь ли, у меня небольшой беспорядок.

– Даже не сомневался в этом. Хорошо, тогда жду тебя внизу. – Он отступает на шаг и поворачивается в сторону лифта.

– Ты ведь в курсе, что нормальные люди используют слово «пожалуйста», когда им что-то нужно? Этикет, слышал о таком?

– Если поторопишься, успеешь спасти чью-то жизнь, – бросает он, нажимая на кнопку вызова лифта.

– Твою? – прислоняюсь плечом к дверному проему.

– Мою ты уже погубила. – Он не улыбается, и его лицо все еще кажется хмурым, но, черт возьми, я вижу во взгляде Майка искорку, которая делает его еще более привлекательным.

Сказав Бриджит, что у меня есть парочка дел до открытия магазина, выбегаю из дома. Она, конечно, успела отпустить шуточку в своем стиле насчет наших совместных с Питом пробежек, и мне пришлось сделать вид, что я оглохла.

Когда я приближаюсь к Майку, он оборачивается и оценивающим взглядом проходится по мне. И, судя по тому, что его брови не хмурятся, а глаза не закатываются, он вполне доволен

увиденным. Я надела обычное зеленое платье, длинной чуть выше колен, белые кеды и, не изменяя себе, украсила волосы повязкой глубокого изумрудного цвета.

– Никакого горошка? – скептически замечает он.

– Если ты так скучаешь по нему, то я вполне могу переодеться, – пихаю его локтем в бок.

– Ну так что? Кого мы спасаем?

Майк опускает взгляд на наручные часы.

– Он должен скоро подойти. Хотя уверен, Хавьер специально задержится, чтобы доказать свою независимость.

– Хавьер? Ты можешь говорить прямо?

Меня раздражает, что слова из этого мужчины приходится вытаскивать клещами.

– У меня есть подопечный, Хавьер Санчес, – судя по тому, как звучит его голос, это что-то личное. – Он любит влипнуть в неприятности, и вчера я вытащил его из полицейского участка.

Здорово. Подопечный из полицейского участка. Кто следующий? Серийный маньяк прямиком из тюрьмы?

– И при чем тут я?

– Я хочу, чтобы ты взяла его на работу.

– Не хочу тебя огорчать, но мы не в том положении, чтобы еще кому-то платить.

Честно говоря, я еще даже не перераспределила бюджет. Я сомневаюсь, что мы сможем позволить себе взять дополнительного сотрудника и платить ему минимальный заработок, даже несмотря на пониженную арендную плату. К тому же у меня в планах был небольшой ремонт, закупка новых цветов, и я хотела отправить Бриджит в спа, чтобы она расслабилась.

– Ему не нужно платить. Считаю, для Хави работа в магазине равнозначна исправительным работам. Мне нужно занять этого парня, пока он не влип в очередную потасовку и не получил реальный срок.

– Я был бы не против, если бы мне все же платили, – раздается веселый голос с мексиканским акцентом позади Майка, а следом появляется и его обладатель. – Привет, красавица.

Парень чуть выше меня ростом, со смуглой кожей и пирсингом в губе, смотрит на меня хитрым взглядом. Его волосы заплетены в брейды, бровь и скула рассечены, отчего правый глаз заплыл, а одежда выглядит на пару размеров больше нужного.

Майк серьезно думает, что я найму на работу преступника? Это меня надо будет спасать от него.

Хавьер проводит большим пальцем по губе и поигрывает бровями, глядя на меня, за что получает подзатыльник от Майка.

– Умерь свой пыл, – сухо говорит Дэниелс, и его подопечный хмурится. – Саманта, знакомься, это Хавьер Санчес. Он будет носить мешки с землей и выполнять самую грязную работу, которую ты ему поручишь. В качестве оплаты он принимает сэндвич с индейкой и майонезом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.